

18+

Ричард Брук
ЧЁРНЫЙ АТАМАН

Эпо
САЙТМОБ

18+

Ричард Брук

**Чёрный атаман. История
малороссийского Робин
Гуда и его леди Марианн**

«Издательские решения»

Брук Р.

Чёрный атаман. История малороссийского Робин Гуда и его леди Марианн / Р. Брук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510919-4

Осень 1918 года, разгар Гражданской войны. Молодая вдова Александра Владимирская желает одного: выбраться из пылающей России и оказаться в Париже. Она отправляется в Екатеринослав, к сестре, в надежде вместе бежать за границу. В пути на поезд нападают вооруженные люди. Сашу увозят в Гуляй Поле, вотчину знаменитого атамана Нестора Махно. Необычный человек со свирепыми синими глазами влюбляется в пленницу с первого взгляда. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-510919-4

© Брук Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. В плену	6
Глава 2. Вечер у атамана	11
Глава 3. Любушка	17
Глава 4. Культпросвет батьки Махно	20
Глава 5. Нестор	29
Глава 6. Овсей Овсеич	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Чёрный атаман История малороссийского Робин Гуда и его леди Марианн

Ричард Брук

© Ричард Брук, 2020

ISBN 978-5-0051-0919-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. В плену

*Сентябрь 1918 года, село Гуляйполе,
Александровский уезд Екатеринославской губернии*

Саша давно уже перестала понимать, где она, и что с ней происходит. От целого мира остался только пьяный запах осенних трав, боль в руках и ногах да красноватая луна в лазоревом равнодушном небе. Все события последних дней казались дурным сном.

Она вот уже двое суток ехала в Екатеринослав из Москвы. Добираться пришлось кружным путем, через русско-германский фронт, поездом до Ростова, но в Воронеже состав задержали на десять часов из-за разбитых артиллерией путей. С пересадкой в Миллерово тоже пришлось ждать, когда найдется исправный паровоз. И вот теперь, уже почти в финале долгого пути, где-то посреди малороссийской степи, их поезд был остановлен каким-то непонятным казачьим отрядом.

Человек в гимнастерке и высокой бараньей шапке, пробежавший по вагонам, громко оповестил пассажиров, что *«сейчас состоится досмотр вещей и проверка документов, всем готовьсь!»* Еще он кричал, что *«все трудящиеся и мирные граждане находятся под защитой гуляйпольского революционного штаба»*, а офицерам белой армии, если такие есть, предлагается выйти и обнаружить себя добровольно...

Саша, усталая и полусонная после тревожной ночи, сперва не восприняла всерьез это представление, напоминавшее народный театр, а после пугаться и бежать было уже поздно. Ее и еще нескольких женщин, ехавших в том же вагоне, схватили и обыскали, заглянули повсюду, облапали и ощупали, отпуская похабные шуточки – но не тронули, только вытолкали наружу и оставили под охраной нескольких «товарищей», в тех же замызганных гимнастерках и бараньих шапках, вооруженных пистолетами и шашками.

Время от времени к ним подбегал и распоряжался лохматый гигант, в смазных сапогах и шубе, совершенно неуместной в такую жару, требовал *«посадить баб на подводу и везти до штаба»*, а охранники отлаивались, дескать, *«треба подождать приказа!»*

– Что происходит? Кто они такие?.. Куда нас повезут? – шепотом спросила Саша у молодой румяной бабы в красном платье и пестрой шали, повязанной вокруг головы – та была спокойнее других пленниц, хныкавших от страха и сбившихся в кучку, как перепуганные овцы; казалось, все, что творится вокруг, ей знакомо и привычно.

– Известно кто, барышня: махновцы! А куда повезут, та Бох ево знае... Мож в Юзовку, мож в Александровск... а то и до Гуляйполя, к самому батьке.

«Господи, что она болтает, к какому батьке?.. Зачем?»

Саша горько пожалела, что, находясь в Москве, поглощенная заботами и приготовлениями к отъезду, недостаточно внимательно следила за новостями, доносящимися с Юга, охваченного пожаром интервенции, гражданской войны и вечных контрреволюционных мятежей... И с чего она решила, что ехать в Екатеринослав – хорошая идея?.. Сестра в письмах и телеграммах утверждала, что в городе, под защитой австрийских войск, совершенно безопасно, что она прекрасно устроилась, благодаря заботам пана Кнышевского, и что как только Саша приедет, пан сейчас же, немедленно, пользуясь своими связями, организует их отъезд сперва в Польшу, во Вроцлав, а потом, уже безо всякого труда – во Францию, в Париж...

Теперь же она стоит одна-одинешенька, где-то в украинской степи, возле поезда, перевернутого и перетряхнутого сверху донизу, наблюдает за «реквизицией», в окружении бандитов, и ждет отправки в неизвестное Гуляйполе, к какому-то батьке, атаману анархистов, потому что у воинов крестьянской революции закончились доступные женщины...

Было невыносимо душно, как будто все еще стояло лето, а не глубокий сентябрь, воздух казался вязким, его пропитывали странные, пугающие запахи незнакомых цветов и вянущей травы, а еще – спирта, железа, пороха, лошадиного и человеческого пота. Взмокшее дорожное платье липло к спине, сейчас бы помыться и переодеться, расчесать волосы и выпить кофе со сливками, но пока им никто не предлагал даже присесть, какой уж там «кофей».

– А ты сама-то откудова, барышня? – теперь уже та самая баба подступила к Саше с разговором, взяла под локоть.

– Из Москвы. – она не любила фамильярности, но сейчас задирать нос было себе дороже... неизвестно, кто такая эта молодуха в пестрой шали, и почему держится так спокойно среди ражих хлопцев, нет-нет да и бросающих на женщин жадные и сальные взгляды.

– Вона чё, с Москвы! А куды ж ехала совсем одна? Где родные?

– К сестре в Екатеринослав... – начала было Саша, но поле и поезд вдруг завертели перед глазами, голоса отдалились, слились в невнятное тягучее нытье, и в голове словно ударил колокол... она осела на землю и провалилась в серое беспмятство.

***

...То ли обморок был очень уж долгим, то ли перешел в тяжелый сон без сновидений, но когда Саша открыла глаза, то обнаружила себя в просторной горнице с белыми стенами, обставленной разнопегой мебелью, явно натащенной из разных мест. Она лежала на кровати, посреди подушек и мягких вещей с чужим запахом – слава Богу, одетая, и вроде бы по-прежнему никем не тронутая.

Снаружи, под окнами, слышались громкие мужские голоса, смех, храпывание и злобный визг: видимо, кто-то из хлопцев дразнил коня, а остальных это забавляло. В глубине дома звенела посуда, потрескивали дрова в печи и тоже бубнили приглушенные голоса...

Мучительно хотелось пить, вот только не было сил подняться, сделать шаг, а позвать кого-нибудь Саша не решалась. Если о ней все забыли – может, оно и к лучшему. Подождать до темноты, перетерпеть, а потом выбраться потихоньку и бежать куда глаза глядят, подальше от «революционного штаба», злых коней, пьяных мужиков.

Минуты тянулись бесконечно долго, от духоты, так и не ушедшей, не разрешившейся дождем, болела голова. Саша сама не заметила, как снова задремала: во сне тревога не убывала, мелькали знакомые и незнакомые лица, чей-то голос пел грустную песню, как на поминках, но все было зыбким, туманным, и происходило как будто не с ней.

Вот бухнула дверь, тяжело затопали сапоги – во сне или наяву?

Она провела рукой по лицу, приподнялась... и снова рухнула на подушки, утонула головой и плечами в лебяжьем пуху.

В горницу вошли двое, и нетерпеливый, резкий голос отрывисто спросил:

– Ну шо? Где там твоя заморская королева, показывай!

– Да вона, вишь, разлеглась на перине... – хохотнул собеседник. – Вас дожидается, Нестор Иванович... белая вся, ну чистый сахар, а руки, вишь, работы сызмальства не знали. Из господ сучка, вот те крест!

– Здесь она как?

– Ну а куды ж ее? К Катке на кухню отправить – там бабы ее поедом съедят, и костей не оставят... хорошо еще Маруси¹ нету... Она-то небось жинка офицерская, да в расход вроде жалко, больно хороша... хлопцы мои перетопчутся, этакая краля не про них. Вот ты и решай, Нестор, шо с ней делать. Мож, петъ-танцевать умеет, мож, дитёв чому учить, музыке какой али хранцузской мове. А мож...

---

¹ Маруся Никифорова – полевая командирша, жена анархиста Бржстока, соратница Махно, успевшая побывать его любовницей. В описываемое время Никифорова находилась в Москве, где ее должны были судить за дискредитацию советской власти и неподчинение декретам (суд состоялся в январе 1919 года).

– Ну?

– Вот я и говорю – тебе решать, атаман.

Громкий разговор окончательно вырвал Сашу из забытья. Она увидела двоих мужчин, стоявших возле кровати: одного высокого, полного, в вышитой рубахе, и второго – совсем не высокого, скорее – маленького, с густыми черными волосами до плеч, в военной форме, которая на нем смотрелась как гимназическая... Взгляд у него был пронзительный и тяжелый, она обмерла под ним, и обмерла еще больше, когда осознала, что «Нестор Иванович» – это сам батька Махно.

Много слухов ходило об этом страшном атамане. Что-то Саша сама читала в советских газетах, еще в Москве, что-то слышала в поезде, посреди вагонной болтовни, а теперь вот увидела Махно своими глазами. Да... слухи были правдивы. Такой не пощадит, не пожалеет.

Она смотрела на него молча, он – на нее, тоже молча. Толстяк-подрочный помалкивал, словно его здесь и не было. Махно первый вспомнил о нем, повернул голову, коротко приказал:

– Вон ступай.

Тот, ни слова не говоря, вышел – почти на цыпочках – плотно притворил за собой дверь.

В коридоре заорали:

– Дунька, самовар! – а под окнами вдруг заиграла гармошка.

Саша от неожиданности зажала уши.

Махно присел рядом – прямо на кровать – молча смотрел свирепыми синими глазами.

Протянул к ней руку, точно хотел погладить, она дернулась к стене.

Атаман сердито засопел, лоб пересекла морщина, но тут же разгладилась, и он спросил неожиданно мягко:

– Кто такая будешь? Как занесло в Гуляйполе?

Спиртным от него не пахло, только крепким табаком и почему-то подсолнухами.

Она покачала головой: под его взглядом у нее отнялся язык, дрожь пробежала по спине...

– Мне надо отвечать, – сказал Махно. – Говори – кто, откуда?

– Александра. Ехала к сестре, в Екатеринослав... из Москвы.

– Мужняя?

– Вдова. Мужа убили больше года назад.

– Кто?

У нее к горлу подступили рыдания, захотелось взвизгнуть, бешеной кошкой вцепиться ему в лицо – прямо в глаза – и завопить:

«Тебе какое дело, дьявол?!» – но после такого он либо сам убьет ее, либо позовет своего ката и велит «как следует проучить...» Смерти Саша перестала бояться после зимы восемнадцатого года, проведенной в голодной замерзающей Москве, но унижительно мучиться перед смертью не хотелось.

Она опустила голову и ответила прежде, чем он повторил вопрос:

– Большевики.

– Офицером был?

– Нет, он и военным не был... он... преподавал в университете...

– Учитель, значит.

– Учитель.

Махно резко встал, заложив руки за спину, прошелся по комнате, туда-сюда, как зверь в клетке. Остановился, снова посмотрел на нее, сказал отрывисто:

– Врешь ты али нет – выяснять не стану. А теперь слушай, Саша, что я решил: останешься пока что здесь, при штабе, при мне. Мы на осадном положении, в Екатеринослав никому отсюда ходу нет. Так что поживешь. Дело я тебе найду...

Кровь прилила к лицу, сердце заплясало, как маятник. Он приказывает – ей! Распоряжается ее судьбой, точно он царь и бог, а сам – бандит, просто бандит с краденым наганом,

душегуб, пьяница, возмнивший себя... неизвестно кем, но уж точно большим, чем простой смертный!..

– Я здесь не останусь!.. – она не узнала своего голоса. – Нет, не останусь! Лучше застрели!

В глазах Махно вспыхнули колючие огоньки – вспыхнули и погасли. Он подошел вплотную, взял ее за подбородок – сжал не сильно, но держал крепко, словно кот играл с мышью, и сказал негромко:

– Застрелить недолго... Это всегда успеется.

– Отпусти меня!.. Не трогай! – она рванулась, оттолкнула его, побежала к двери – куда угодно, под пули, под удары нагаек, все равно, но только подальше от него, подальше!.. Знала, что не убежит, но покорно ждать своей участи, как заяц в капкане, не могла и не хотела.

Махно прынул за ней, как ястреб, заступил дорогу, схватил обеими руками поперек тела, скрутил, сжал... Откуда, ну откуда в тщедушном с виду мужичке взялась такая мочала, такая силища? Саша замерла, обвисла, не могла не то что шагу ступить – но и вздохнуть полной грудью.

Атаман толкнул ее на кровать, повалил, прижал сверху, она почувствовала его руки под платьем... жадные, горячие, наглые, без спросу пробравшиеся к низу живота, они гладили и щупали там, где прежде касался один лишь муж – да и то нечасто...

Саша закусила губы, отвернула лицо, зажмурила глаза. Смирилась, сдалась, приготовилась «безразлично и с достоинством», как учила маменька перед брачной ночью, вынести то, что он собирался с ней сделать. Пусть возьмет тело, насытит свою звериную страсть, но хотя бы не уродует, не калечит, как других несчастных пленниц, кому не повезло застать его трезвым... кого вот так же распинали, раздевали и грубо лапали на этой самой кровати. Уж она наслушалась историй про «солдатские шалости», насмотрелась в госпитале на девиц и жен, попавших в руки бандитов, все равно какого цвета – красного, белого или зеленого...

Какая разница, кто тебя насилует, анархист, большевик или верноподданный царя-батюшки?..

«*Вот сейчас и узнаю...*» – мелькнула странная, бредовая мысль. Должно быть, от страха и ожидания боли в голове совсем помутилось.

Махно, однако, не спешил – снова играл с нею, держал крепко, так, что не вырваться, но не мучил, боли не причинял. Расстегнул на ней платье, задрал подол, чулки и белье стащил ловко, даже *церемонно*, как опытный любовник... и снова полез рукою между ног. От прикосновения его пальцев там вдруг стало горячо – так горячо, что Саша вскрикнула, дернулась, попыталась сжать бедра, но он не позволил.

Хмыкнул, пробормотал что-то – не сердито, не зло, скорее, насмешливо, начал гладить, широко, мягко, и постепенно открывал ее пальцами, раздвигал шире, проникал глубже... а ей хотелось умереть от стыда и непристойного, запретного удовольствия. Муж никогда не делал с ней ничего подобного...

– Не надо, не надо, не надо!.. – зашептала она, ужасаясь сладкой ноющей боли внизу живота, и перестала сдерживаться – заплакала навзрыд, давясь слезами. – Не нааааадо... отпусти... отпусти... Бога за тебя молить буду...

Саша не ждала пощады – она все ж не была невинной девицей, слышала его тяжелое дыхание, чувствовала, как напряженный мужской корень вжимается в бедро – но Махно вдруг отпустил ее. Вытащил пальцы, сел, достал из кармана платок из чистого белого шёлка – вытер каждый палец, платок поднес к носу, жадно, как зверь, принюхался и... назад в карман сунул, поправил ремень, встал.

– Я уж сказал, больше повторять не буду – останешься здесь, при мне. Работу дам, никто не тронет... но ежели сама почнешь хвостом крутить, как сучка – к стенке поставлю, так и знай!

Махно дошел до двери, на пороге остановился, метнул взглядом через плечо, точно хлыстом ударил:

– Лёвка принесет барахла, выберешь себе, что по нраву. Это все народное. И Дуньку к тебе пришлю, чтобы обсказала про наши порядки, объяснила что да как... Помни: не при панах живем, здесь слуг ни у кого нет, все работают!

Кивнул головой – вроде попрощался – и выскользнул из горницы, растаял в сумерках, словно его и не было вовсе.

Саша сидела на кровати, в расстегнутом платье, оплетенная, как змеями, разметавшимися косами, и ей казалось, что в томной, сладкой тишине наступающей осенней ночи с хрустом, с надрывом рвется на части ее сердце.

Глава 2. Вечер у атамана

Из кучи добра, принесенного ей Лёвкой (Лёвкой, впрочем, называл его только Махно, остальные уважительно – Львом Николаичем), Саша выбрала себе пару ситцевых платьев, похожих на те, что носили молодые бабы, ехавшие с ней в поезде, черные ботинки на каблучках – ношенные, и от того мягкие, да турецкую шаль, такую длинную и широкую, что в нее можно было закутаться с головы до пят, как в абаю. Ни серег, ни монист, ни иных украшений, ни шелкового белья Саша не взяла, хотя Лёвка настойчиво предлагал примерить...

Одежда вся была с чужим запахом, и Саша не могла не думать, не спрашивать себя – кто ж носил ее раньше? Где теперь эти люди, живы ли? Из чьих ушей вынуты сережки, с чьей шеи сорвано монисто, у кого отнята роскошная кашемировая шаль?..

Новая жизнь начиналась как игра в карты без козырей, игра на интерес, и Саше ничего не оставалось, как подчиниться правилам. Ей было всего двадцать пять лет, она хотела жить. Не было никакого геройства в глупом сопротивлении неизбежному, не было смысла в пресловутой женской гордости, а козырять происхождением да голубой дворянской кровью, требовать себе привилегий, задирать нос да дерзить, оказавшись посреди лихих людей, не верящих ни в бога, ни в черта, могут лишь героини приключенческих книг.

Саша и сама любила читать про пиратов и благородных разбойников, что относились к пленницам, как к принцессам, и непременно влюблялись в них, посвящали им жизнь, дрались за них, совершали в их честь отчаянные подвиги... а об ответной любви молили почтительно и смиренно, как гимназисты.

Таков ли был невысокий человек в «гимназической» форме, опоясанный кожаной португальской, с привешенными к ней наганом и острой казацкой шашкой? Станет ли он «молить о любви»? Да он, верно, и слова такого не знает...

У Саши замирало сердце, когда она вспоминала его тяжелый взгляд исподлобья, жесткий неулыбчивый рот с плотно сжатыми губами. И руки... она мучительно краснела, думая о них, но не могла прогнать воспоминание о том, что эти руки творили с ней, забравшись под платье. В животе разливался стыдный жар, нега, похожая на ту, что она испытывала с мужем в самые счастливые ночи – в Италии, где они провели медовый месяц, или позапрошлым летом, на даче в Крыму... когда весь этот революционный морок и кромешный ужас братоубийственной войны казался лишь страшной сказкой.

Прошло чуть больше двух лет с того золотого августа, персикового, медового, полного поцелуев и прогулок по тенистым аллеям дворцового парка, и вот она, Александра Владимировская, вдова и сирота, вольная и одинокая, как цыганка, перекаати-поле – стоит в горнице крестьянского дома на Украине, примеряет чужое платье и гадает, сделает ли ее своей девкой атаман-анархист, или побрезгует «белой костью»...

Париж, куда она так стремилась, отсюда, из Гуляйполя, казался несуществующим, как сказочное Тридевятое царство. Суждено ли ей снова увидеть широкие бульвары, обсаженные липами, каштанами и дубами, громаду собора с каменным кружевом башен, мосты над серебристо-сиреневой Сенной, каменных богов, русалок и тритонов, восседающих на водяном троне посреди площади?... Суждено ли ей увидеть хотя бы Екатеринослав и широкий тракт, ведущий к польской границе?... Она не знала – и не хотела думать, чтобы не сойти с ума.

– А что, Лев Николаевич, – вдруг спросила она, повернувшись к Лёвке, все глядевшему на нее со сладкой улыбкой, – Нельзя ли мне глоточек... водки?..

Тот, похоже, ожидал от московской барышни чего угодно, но не такой просьбы, и вытаращил глаза:

– Чаво? Горилки, что ли?

– Да, горилки... кажется, это здесь так называется. – Саша пожала плечами, старалась казаться равнодушной, словно крепкие напитки были ей так же привычны, как кофе и чай. Видно, получилось не очень убедительно, потому что Лёвка хохотнул:

– Горилка без закуски не ударила бы в голову, а, мадамочка?..

Тут бы ей и признаться, что она голодна, что с удовольствием помылась бы в бане – ну или хоть в корыте с теплой водой – переделась и вышла на воздух, подышать степным ветром и цветами, вечерней осенней прохладой после паркового, страшного дня... Но улыбочивый полный человек был не трактирщик, не хозяин гостиницы, готовый за деньги исполнить любое пожелание «мадамочки» – он исполнял лишь распоряжения Махно, и кто знает, что еще ему было приказано, кроме «принести женщине одежду». Саша пока что понятия не имела, что можно, что нельзя, и как себя вести здесь, в разбойничьей вольнице, «революционном штабе», чтобы не попасть под расправу...

Она боялась и шагу ступить без спросу, а направить ее было некому. Некая «Дунька», упомянутая Махно, что-то к ней не спешила, но может, оно и к лучшему. Кто знает, как обитательницы этого странного места воспримут белолицую барыньку, привезенную в распоряжение батьки то ли по чьей-то ошибке, то ли ради забавы.

– Ну ты чевой язык-то проглотила, гражданка? – окликнул Лёвка, уже слегка сердито, но скорее пугал для остротки, чем в самом деле сердился. – Атаман сейчас вечеряет, не боись, и тебя без куска хлеба не оставят. Паразитов нам не надобно, будешь работать с другими бабами, мож в школе, мож в больничке, как Нестор Иванович сказал, но сегодня ты навроде в гостях... Давай-ка, краля, марафет наводи побыстрее, и выходи к столу. Неча в горнице сидеть, глаза прятать, чай, здесь не келья, ты не монашка.

***

Вечеряли в большой комнате с низким потолком, заставленной по стенам скамьями и стульями, освещенной керосиновыми лампами. Посередине стоял квадратный стол, расписной, на резных позолоченных ножках, реквизированный из помещичьей усадьбы. Вместо скатерти он был застелен каким-то полотном, и весь заставлен тарелками, мисками, бутылками, консервными жестянками, стаканами и рюмками.

Махно сидел за столом в компании нескольких мужчин (военных и штатских) и двух женщин, в одной из них Саша узнала давешнюю румяную бабу, что ехала с нею в поезде, а другая – явная еврейка – напоминала школьную учительницу, одета была в строгое платье с тугим воротничком. На вошедшую Сашу ни одна из них не взглянула, каждая уткнулась в свою тарелку, зато мужики чуть головы не свернули... все, кроме Нестора, тот и бровью не повел, сидел себе, резал мясо. Ножом и вилкой, как положено в приличных домах...

Лёвка, видать, все же усмотрел что-то в лице атамана, слегка ущипнул Сашу между лопатками, подпихнул к столу, прошипел на ухо:

– Ступай, ступай же к нему! Там седай, не с бабами, а вон, вишь, на ту лавку. Сама рта не открывай, но отвечай, коль будет спрашивать! Поняла?

Она кивнула, пошла туда, куда велел Лёвка, боясь споткнуться в чужих ботиках, а мужики все пялились на нее, разинув рты, кто-то хмыкнул одобрительно, кто-то жадно раскуривал папиросу, кто-то уж натягивал на лицо галантную улыбочку – дескать, иди, сестра, иди поближе! – а Саше казалось, что она ступает голая по дощатому полу...

Дошла, присела на лавку с краю – Махно сидел рядом, только руку протяни, и отсекал ее от остальных мужчин, точно каменный волнорез; а с другой стороны к ней поближе придвинулась, вместе с табуретом, румяная баба. Заулыбалась, подвинула к Саше рюмку, тарелку:

– Ай, вон оно как, барышня! Вот мы и свиделись! Ну, теперь-то погударим всласть, ты мне обскажешь, шо начала, да не успела...

Саша не услышала в ее певучем голосе подначки, может, молодуха и впрямь была рада ее видеть, а может, играла роль, какую велели.

Она украдкой посмотрела на Махно – тот по-прежнему не обращал на женщин внимания, ел, пил, говорил с мужчинами о чем-то своем, военном, важном: горячился, спорил. Высокий тощий блондин, по виду поляк, сидевший напротив, доказывал ему, убеждал, в запале даже кулаком стучал по столу, и тогда другой, в тельняшке, вихрастый, плотный, удерживал его, и сам начинал что-то басыть на украинской мове.

Саша плохо понимала малороссийский говор, слова для нее сливались в бесконечную песню, красивую, но тарабарскую, колдовскую, и от того пугающую... «Ревком», «штаб. «большевики», «чрезвычайка», «суд в Таганроге», «Антонов-Овсеенко за Марусю говорил», «неподчинение советской власти», «все равно надо решать с Катеринославом» – отдельные слова по-русски вдруг выскакивали чертями из табакерки и пугали еще больше.

Еврейка на своем стуле сидела молча, ковыряла паштет, но нет-нет и взглядывала на Сашу, и взгляд ее колол, как штопальная игла.

– Ты чего как засватанная? Глаз, что ль, на кого положила?.. – хихикнула румяная. – Так это не к спеху, еще дойдет до нас. На-ка вот, поешь, а то на тебе и впрямь лица нет, эвон, как осунулась...

Отрезала кусок паштета, колбасы, хлеба, сложила в тарелку, пододвинула все к Саше:

– На. Выпить хочешь?

– Хочу. – это была правда: Саше хотелось напиться вдрызг, до беспамятства, чтобы потом, когда «до них дойдет», ничего не бояться и не чувствовать...

Молодуха взяла бутылку с желтоватой горилкой, налила рюмку до краев, плеснула себе, потом спросила у своей кумы:

– Феня, ты будешь? – та степенно кивнула, подвинула рюмку, проследила, чтобы налилась до краев, подняла за тонкую ножку:

– Давайте уже познакомимся. Вас ведь Александрой зовут?

– Крестили Александрой, звали всегда Сашей. – Саша тоже подняла рюмку. – А... вас?

– Я Гаенко. Феня.

– Очень приятно.

Феня Гаенко² вдруг подняла брови, фыркнула, а вслед за ней почему-то засмеялись и мужики – прямо грохнули. Не засмеялся только Махно, улыбнулся уголком рта, вернул мужчин к разговору:

– К делу! Треба нынче решить, кто поедет от нас до Москвы.

Саша держала в руке рюмку, не решаясь ни выпить, ни поставить, и гадая, что за глупость она сморозила, сказав этой Фене Гаенко обычную любезность...

– Ох ты ж! А я Дуня. – вмешалась снова румяная. – Вот за нас троих и выпьем! За женскую свободу и дружбу навек! Пей, Саша, пей! И закусывать не забывай!

Горилка полилась в горло жидким огнем, Саша поперхнулась, но проглотила, Дуня, смеясь, сунула ей под нос корочку хлеба, а в рот – кусочек паштета:

– Давай-давай, ешь! – и налила по второй.

Отказаться было нельзя, хотя уже от первой в голове загудел церковный колокол, а комната закружилась перед глазами. За второй пошла третья...

Дуня все смеялась и продолжала пихать паштет и хлеб в рот Саше, вконец одуревшей от водки и табачного дыма, но когда она снова налила и поднесла ей рюмку, Махно сказал:

– Хорош поить. – негромко сказал, не поворачивая головы, но Дуня услышала и поняла, пристыженно поставила бутылку и даже отодвинулась от Саши.

Атаман вмешался поздно: Саша уплыла в хмель. Колокол все бил набатом, в висках и в затылке, руки и ноги стали ватными, а в груди поднималось страшное, дикое веселье... Она

---

² Феня Гаенко – доверенное лицо и подруга Агафьи (Галины) Кузьменко, последней жены Махно. В описываемое время была любовницей Лёвы Задова.

засмеялась, сперва тихо, потом все громче, ей все казалось смешно: стол, потолок, постное лицо Фени, полусъеденный паштет, тельняшка на матросе, кожаная португеза на Махно.

Дуняша поначалу хихикала вместе с ней, потом озадаченно замолчала, принялась тереть Сашу за плечо, «гэкая» по-малоросски:

– Буде тебе, буде!.. Угомонись, угомонись ужо, вишь – он смотрит! Тихо!..

Нестор и правда раз или два глянул в ее сторону – точно раскаленным углем прижёт шею – и теперь она чувствовала его взгляд, жадный, пристальный, и ежилась под ним; потянула на себя шаль, закутала грудь, плечи, да только это не помогло: все равно было и душно, и дурно, и томно...

Саша ущипнула себя, больно, в безумной надежде, что все это – сон, дурацкий, бессмысленный сон, и она сейчас проснется в Москве, в пустой и холодной, но привычной и безопасной квартире на Полянке.

Где-то поблизости опять заиграли на гармошке, запели нестройно и пьяно:

– ...Наш Махно и царь и бог!

От Гуляй Поля до Полог! – и еще в этом роде, куплет за куплетом, не то частушки, не то куплеты, прославляющие атамана, Гуляй Поле и славную вольницу.

Феня поморщилась:

– Фуууу, как фальшивят!.. Слушать противно! – сделала Дуне знак, чтоб прикрыла окно, та послушно пошла. Саша, как ни была пьяна, отметила, что эта Феня Гаенко не просто себе цену знает, но видно, и в местном, гуляйпольском, «высшем свете» на положении статс-дамы... Значит, лукавил атаман Махно: не все «товарищи женщины» здесь равны, а кое у кого и слуги имеются.

Лёвка Задов ележно осведомился:

– А что, атаман, не пора ль гитару принести? Душа романсу-то просит!

– Ромааанса... – Махно неожиданно фыркнул котом, расплылся в улыбке до ушей, лицо с крупными чертами, под темной шапкой волос, стало мальчишеским, задорным – и все за столом вдруг тоже заулыбались, расслабились:

– Слышь, Сева, товарищу Задову музыки захотелось! Опять!

Тот, к кому обращался Махно – широкоплечий, но не громадный человек, с на удивление интеллигентным лицом и небольшой аккуратной бородкой, уже с проседью, с глубоко посаженными глазами, страдальчески улыбнулся, но ответил в тон:

– Ну а что ж, Нестор, товарищ Задов, как истинный представитель трудового народа, тянется к культуре, и это хорошо и правильно! Мы же строим новый мир внутри старого, и должны объединять практику борьбы с просветительской работой!

– Вот эго ты умно завернул, Всеволод Яклич! – пробасил матрос, и мужики все, не исключая Махно, захохотали; Задов тут же предложил:

– Пусть Дуняша нам споет, да и спляшет, повеселит! А то можно цыган вызвать – табор-то недалеко стоит...

– Нет, – отрезал Махно, снова стал суровым, и смех затих. – Гитары не надо. Заведи граммофон.

– Граммофон? – удивилась Саша. – Откуда здесь граммофон?

– Ты дура, что ли? Думаешь, жизнь только и есть, что в Петербурге, или на Москве вашей, или откуда ты там прикатила? – неприязненно спросила Гаенко, уставившись на нее своими выпуклыми глазами, темными, как вишни или маслины, и Саша поняла, что задала свой вопрос вслух. Вышло и правда глупо, но что с пьяной взять...

– Сей секунд, Нестор Иваныч! – Лёвка резво вскочил – несмотря на свою толщину, двигался он плавно, легко, как гимнаст или танцовщик – убежал куда-то в угол, пошуровал, зажег еще одну лампу, и вытолкнул на всеобщее обозрение маленький круглый столик, где был уста-

новлен новенький немецкий граммофон с темно-коричневым, будто шоколадным, корпусом и золотистой трубой.

Пластинки тоже имелись, и здесь уж Лёвка никого не спрашивал, видно, давно знал, что нравится батюшке. Еще немного пошуршал, приладил толстый черный диск, опустил трубу... и комната неожиданно наполнилась не разудалой народной пляской, и не вздохами-рыданиями цыганского хора, а хриплым ритмом аргентинского танго.

Саша вздрогнула, как от порыва ветра, в голове разом прояснело, и ужас ее нынешнего положения, причудливо перемешанный со звуками модного танца, который она совсем недавно танцевала в Париже, на летней террасе ресторана на Елисейских полях, представился ей в полной и беспощадной ясности...

Она встала – не зная, зачем, не представляя, куда собирается идти – и тут к ней подскочил, как на балу, Сева, Всеволод Яковлевич³, интеллигентный и статный мужчина, совсем еще не старый, если присмотреться... Лоб у него был широкий, умный, на мясистом носу ладно сидели очки в тонкой золотистой оправе.

– Мадам, позвольте вас пригласить на танец, – сказал галантно, подал руку, как полагается, даже поклонился.

Дуня громко фыркнула, завела глаза – дескать, ой-ой-ой, какие цирлих-манирлих разводят ныне революционеры-анархисты с московскими барышнями! – а Гаенко, раскуривая папиросу, вставленную в длинный мундштук, в их сторону и не смотрела.

Зато Махно смотрел... чуть развалился на стуле, ухмылялся: то ли хмель забирал его все больше, то ли сцена казалась забавной, как в театре или кабаре.

«Ах, да какая разница...»

Саша, Александра Владимировна, любила танцевать. Пока училась в пансионе Куропаткиной, несколько раз получала похвальные листы за успехи именно в танцах, да и после, на каждом балу или вечеринке, куда ее привозили сперва родители, а потом – муж, она с первой минуты, с головой, погружалась в музыку и движение, и не думала ни о чем ином...

Так было в Москве и в Петербурге, а здесь – там-не-знаю-где, в пространстве страшной сказки – сможет ли она танцевать, в ботинках с чужой ноги, в платье и шали с чужого плеча? Почему же нет, если приглашают, и аргентинское танго звучит в ушах. Главное, помнить, что здесь не танцуют, здесь – *пляшут*. Пляшут, поддавшись хмелю, пляшут, забываясь между боями и грабежами, пляшут, выпуская наружу своих бесов... пусть порезвятся.

Саша улыбнулась «Севе», даже слегка присела в реверансе, положила руку на плечо партнера, позволила обнять себя за талию, прижать покрепче... и повести уверенно, точно по вощечному паркету настоящего бального зала. Ей вдруг стало легко, она доверилась телу, и не сбивалась с ритма, не ошибалась ни в шагах, ни в поворотах...

Танго все звучало с нарастающей страстью. Стучали кастаньеты, как лихорадочный пульс, гитара мрачно отсчитывала кадансы⁴, трубы подпевали скрипкам, и если закрыть глаза – можно было представить, что прошлое слилось с настоящим, и она в голубом шелковом платье, отделанном кремовым валансьенским кружевом, танцует с мужем на летнем городском балу в саду Тюильри.

Сильные руки держали ее крепко, надежно, вели, поворачивали, обнимали... а тихий голос нашептывал комплименты, мурлыкал, чаровал – точно кот Баюн.

Каблучки постукивали по полу, развевалась вишневая ситцевая юбка и порою открывала нескромным взорам ноги, не обтянутые чулками: собственные Сашины чулки были стянуты и куда-то заброшены Махно, а чужого белья она так и не надела... Хотела потихоньку отыскать

---

³ Всеволод Яковлевич Волин (Эйхенбаум) – анархо-коммунист, сподвижник Махно. Был также любовником Галины Кузьменко.

⁴ Каданс – здесь в значении: ритмическая последовательность звуков; ритм.

свои вещи, ведь был же у нее с собой чемоданчик, да не успела, Задов поторопил со сборами, вытолкнул к общему столу, в чем была. Ну и пусть смотрят, поздно теперь стыдиться... она и водку выпила – впервые в жизни, и...

Ладонь Севы как-то уж очень чувственно обхватила ее спину, бедро Сашы оказалось зажато между бедрами партнера; он навис над ней, вынуждая наклониться, прогнуться назад, как это делали танцовщицы во французских кабаре – Бог знает, где насмотрелся, откуда знал, неужели тоже бывал в Париже?..⁵

– Ах ты, кралечка моя... – хрипло пробормотал он, вжимаясь в нее, – Давай, покажи себя! Покажи, какая ты свободная... вольная как птица...

Вдруг пластинка жалобно взвизгнула и замолчала – кто-то сдернул ее с граммофона. Грохнул стул, отброшенный ногой и перевернувшийся, и голос Махно, перекрывший все остальные голоса и звуки, бешено закричал:

– Прочь! Прочь от нее, сукин сын! Застрелю!!!

Сева отпустил Сашу, отпрыгнул в сторону, но, видимо, привыкший к подобным сценам и вспышкам гнева у атамана, не ринулся бежать вон из комнаты, а, подняв ладони вверх, пошел прямо на Махно, грозившего ему маузером:

– Нестор... Что ты?.. Что ты?.. Я же ничего! Просто показывал даме... пирует!

– Кобель ты херов! Здесь тебе что, бардак?!

Прочие шарахнулись кто куда, давая мужчинам место, чтобы разобраться между собой. Саша стояла посреди комнаты – дура дурой – и не знала, куда ей деться: все от нее сразу отвернулись, даже Лёвка смотрел сквозь, пустыми глазами, словно она стала невидимкой.

Махно продолжал наступать на Севу, бросая ему в лицо резкие, колкие фразы, пересыпанные отчаянной божбой, кричал:

– Пачкаешь! Все пачкаешь, скотина! – а Сева отступал, но не назад, а вбок, по кругу, и казалось, что интеллигент с атаманом танцуют какой-то дикий ритуальный танец...

Дуня все-таки решилась, подобралась к барышне со спины, схватила, оттащила подальше:

– Оххх, горе мое, догадал же меня бог с тобой возиться! Стой, замри, не дрыгайся, на глаза ему не лезь, не то ишшо искомнит Всеволода Яклича!

Саша и рада была убраться с глаз долой, да недолго пришлось подпирать стенку и слушать Дуняшины попреки и поучения, что «здесь тебе не Москва!».

«Поединок» Махно с Севой закончился так же внезапно, как начался: вот только что они пепелили друг друга глазами, бранясь – и вдруг смеются, хлопают по плечам, расходятся... Маузер вернулся в кобуру на поясе батьки.

Махно огляделся, заметил Сашу, пошел в ее сторону – она бы попятилась, но за спиной была стена, некуда отступать – и он, понимая это, усмехнулся... Ничего не сделал, не стал хватать за руку, но показал глазами на дверь... и сам вышел, не оглядываясь, точно зная, что она последует за ним. И не волоком, а свободно... будто бы по своей воле.

---

⁵ Бывал – биография Волина включает эмиграцию, до и после Октябрьской революции; умер он также в Париже.

Глава 3. Любушка

Саша снова была в той же горнице, где очнулась сколько-то времени назад – она понятия не имела, сколько... Время просто исчезло, стрелки на единственных часах, что попались ей на глаза, прилипли к циферблату, маятник висел безжизненно. Можно было считать вздохи или удары сердца, или аккорды, когда играла музыка, но Саша считала шаги, пока шла след в след за атаманом. За тем, кто, как пели под окнами веселые пьяницы с гармошкой, был здесь и царь, и бог, и конечно, всю пользу пользовался и своей атаманской властью, и страхом, что внушал...

В горнице Махно остановил ее неожиданно, не обернувшись – просто вытянул руку в сторону, и она натолкнулась на эту живую преграду, как птица на прутья клетки. Не удержалась, вскрикнула, и вот тогда он обернулся. Обнял, притянул к себе, спросил негромко, ласково:

– Чего боишься? Нешто я обижаю?

Саша, трясаясь, как осиновый лист, замотала головой, и кажется, насмешила его. Снова фыркнул по-кошачьи:

– Врешь, боишься. Все боятся, а ты больше других.

Ростом он был невысок – едва ли ей по плечо – но до того казался силен, что, верно, мог бы переломить ее пополам, как тонкое деревце. Страшные глаза смотрели в упор, прожигали насквозь, и ладони жгли, жгли огнем сквозь одежду. Снова становилось жарко и душно, больно в груди, словно ее живьем засунули в печь, и внизу живота пекло больно, сладко и стыдно...

«Должно быть, от водки... Пьяный делает много такого, от чего, протрезвев, краснеет...»

Мать Божья, ну зачем, для чего, ей вспомнился сейчас Сенека, чьи мудрые изречения на латыни были развешаны в аудитории на Высших женских курсах?⁶...

Махно разжал руки, отступил на шаг, указал на кровать:

– Сядь, барышня. Побалакаем.

– Спа... спасибо, – ответила едва слышно, но осталась стоять, как вкопанная – ноги от ступней до коленей точно свинцом налились.

Атаман засопел, видно, начинал сердиться – и было на что; ничего больше не сказал, снял портупю, положил на вычурное кресло с изогнутой спинкой, обтянутое атласом, совершенно неуместное в этом разбойничьем логове – как и она, Саша, была неуместна, чужда всему здесь...

«Неужели он сам не чувствует?.. Не место мне здесь...»

Сердце заныло от непонятной тоски, болезненно толкнулось о ребра. На место усталой покорности пришла отчаянная злость... Все он чувствует, все понимает, все видит, недаром же у него взгляд – что рентгеновский луч, но она для него просто забава, игрушка на одну ночь. Потешится и выбросит, как съеденный подсолнух, как пустую бутылку, и Саша не хотела гадать, что за «работу» ей предложат в этой странной коммуне, где, вероятно, жили все со всеми, совершенно свободно, как и положено анархистам.

Махно, не обращая на нее внимания, как будто был один, расстегнул поясной ремень и пуговицы на гимнастерке, прошагал к лежанке, сел, подвинулся, чтобы опереться спиной о стену, похлопал ладонью по тюфяку:

– Саша, подойди.

---

⁶ Московские высшие женские курсы (МВЖК) – высшее учебное заведение для женщин в России. Существовали с 1872 по 1918 год (с перерывом в 1888—1900 годы), после чего были преобразованы во 2-й МГУ. С 1906 года открылся медицинский факультет, где и училась Саша.

Голос его как будто стал ниже, даже чуть хриплым, но он, хоть и подзывал ее точно кошку, не понукал, не злился, спокойно ждал... Знал, что никуда она не денется.

Саша медленно стащила с плеч турецкую шаль, бросила ее на кресло, прямо на атаманскую португезу, сама присела на край, машинально стащила черные ботинки – натереть мозоли не успела, но разгоряченные ступни ныли, просили отдыха. Ах, сейчас бы теплую ванну, да чашечку ароматного чая со смородиновым листом и мятой, да с кусочком Агашиного пирога, воздушного, из антоновки – и спать, спаать...

Это все ей снится. Гуляйполе, хмель, гармошка, запах сена, резеды и подсолнухов, резкий, жгучий водочный вкус, и атаман со свирепыми синими глазами. Она в жару – в этом все дело, и сладкая, тянущая боль внизу живота – просто от лихорадки.

Махно сглотнул, громко перевел дыхание, ладонью уперся в пах... Ждал.

Она подняла руки, распустила «прическу» из кос, наспех собранных в пучок на затылке. Шпильки посыпались дождем на пол, темная волна расплетенных волос укрыла ее ниже пояса, как шелковый плащ. Встала, расстегнула тугие жемчужные пуговицы на вороте платья... вот и обнажилась шея, ткань поползла вниз, открывая плечи.

Он не выдержал, позвал снова:

– Иди сюда! Не бойся, не съем...

Саша – босиком, с распущенными волосами, в открытом платье, сползающем с плеч – подошла. Думала, Махно схватит грубо, повалит, но он лишь за руку взял, усадил рядом, сам повернулся к ней:

– Сашенька... ну що ж ты за дикушка? Нешто на Москве все барышни такие?

Ладонь у него была жесткая, шершавая, пальцы – как железо, а касался он нежно, пальцев не сжимал, словно поймал птенчика и повредить боялся. Саше вдруг отчаянно захотелось, чтобы обнял, стиснул покрепче, как в танго, и накрыл собой, спрятал. Она надрывно всхлипнула и сама обняла его, уткнулась лицом в грудь. Он задышал жарко, хрипло – видно, легкое повреждено пулей или болезнью – но сердце билось сильно, громко, ровно: как молот стучал по наковальне.

Усмехнулся ей в волосы:

– Любушка моя... Ты мужа-то знала – али наврала?

– Знала... – Саша, не понимая, откуда в ней взялось такое бесстыдство, подхваченная горячей волной, стала целовать его шею, пахнущую табаком и горячей степью, и еще чем-то незнакомым, приятным, до того волнующим, что она застонала в голос – и тут же почувствовала его ладони на своей груди.

«О Боже мой, пропала я...»

Муж, бывало, трогал ее за грудь, даже соски облизывал, но ей становилось смешно или щекотно, вот и все... но никогда Сашу не стискивали так жадно и... так умело... да – *умело*, иначе и не сказать. Атаманы руки ласкали ее сверху, а влажной она становилась внизу, между бедрами, и еще глубже чувствовала себя – пустой.

Нестор резко выдохнул, придержал ее, отодвинул... она уставилась на него, не понимая, и тогда он снова схватил ее за руку, потянул к своему паху, прижал к горячему и твердому стволу.

– Ты жеребца на дыбы подняла – тебе и умирять его, любушка...

– Да... да... – шепнула она, окончательно потеряв стыд. – Но не знаю, как... чтобы тебе было хорошо...

И снова атаман усмехнулся, а в глазах точно звезды вспыхнули:

– Ничего, коханка, я пособлю... Иди-ка сперва поближе.

Долго возились с пуговицами его галифе, в нетерпении мешая друг другу, наконец, Махно отстранил Сашину руку:

– Подожди трошки. – справился сам, расстегнул все что надо, выпростал член, стоящий навтыжку, как солдат в почетном карауле... она ахнула, увидев размер, и еще больше испугалась, что все это мужское богатство сейчас войдет в нее до самого корня. За всю жизнь она знала лишь одного мужчину – покойного супруга, но Роман Андреевич, хоть и гордился своей статью, был оснащен куда скромнее атамана Нестора Махно.

Он, верно, принял ее вздох за комплимент, потому что усмехнулся самодовольно, пошутил:

– А ты шо ж думала – если росту два аршина, так и между ногами полвершка? Близорукый взгляд, барышня. Буржуазный. – и тут же без улыбки, напряженно, пылко:

– Вишь, заждался тебя жеребчик. Оседлай его, любушка.

От этих слов Саша вспыхнула не стыдом – страстью, неизведанной ранее, потянулась к нему, плавно, текуче, он ее приподнял, направил... обхватил ладонями пониже спины, охнул, когда уперся в тесный вход:

– Ухх, жаркая ты!.. Тихише, кохана, не стискайся, не то спущу...

Она едва ли понимала умом, что он ей говорит, просто слушалась его рук, опускалась медленно, вскрикивая при каждом толчке, и сама себе не могла поверить, когда все-таки приняла его полностью и не порвалась пополам. Атаман придвинул ее вплотную, прижал животом к животу, засмеялся жадно, скаля зубы – моя, моя! – и Саша ощутила, как он властно движется внутри, ощутила вместе с жаркой волной, проходящей через все тело. Она отвечала, двигалась на нем, настойчиво, в сладкой, горячей ярости, словно и в самом деле укрощала сильного и непокорного зверя... Он оставил ее груди, обхватил за шею, притянул губами к губам, и Саша снова в страхе зажмурилась, прежде чем получить первый поцелуй. Так ее еще никогда не целовали...

В глубине тела вдруг возник сильный спазм, она задохнулась – сердце чуть не выскочило из груди, спазм отпустил, и появился снова, и снова, вместе с горячей и страстной негой... со стонами, которых она не могла сдержать...

Нестор вдруг хрипло зарычал, приподнял ее, столкнул с себя – и словно выстрелил длинной жаркой струей ей на живот. Она в полубеспамятстве схватилась за него, он обнял, прижал к себе, откинулся на подушки.

– Любушка моя... Ну шо, дюже страшно было?

Саша и слова сказать не могла, она и шевелилась с трудом, только уткнулась ему в плечо.

Глава 4. Культпросвет батьки Махно

Ночью Саше снилась степь, поросшая густым ковылем. Она сидела верхом на коне, и конь шел широким галопом, уносил ее все дальше и дальше, медвяный ветер бил в лицо, трепал волосы, и на сердце было жутко и сладко. Солнце, огромное, красное, с пылающими золотыми краями, медленно уходило за горизонт, лучи растекались по земле, точно кровь... Потом она увидела, почуяла, что это и в самом деле кровь – целый поток крови, река... и поднималась все выше и выше, вот дошла коню до груди, вот захлестнула по шее. Конь зафыркал, попытался плыть, и Саша изо всех сил вцепилась в длинную гриву, боясь, что не удержится, соскользнет в кровавую реку, и неведомая страшная сила утянет ее на дно.

Вдруг чья-то тень мелькнула, свирепые синие глаза заслонили свет... все исчезло.

Заиграла гармошка, высокий баритон протяжно запел:

– Подай же, дивчина,

подай же, гарная,

На коня рученьку...

От печальной песни навернулись слезы, защемило сердце. Саша очнулась на тюфяке, под лоскутным одеялом, на подушке, что еще хранила запах табака, кострового дыма и горьких степных трав – запах Нестора. Его не было рядом – конечно же, не было, с чего бы ему тут оставаться?... – и не во сне, а наяву перед ней стояла Дуня, в щегольском платье, свежая как роза, словно накануне вечером и не пила наравне с мужчинами...

– Ляксандра, вставай, вставай, голуба!. Неча разлеживаться.

– Да, да, сейчас... – Саша, прикрываясь одеялом, села. Она надеялась, что Дуня уйдет и даст ей возможность спокойно одеться, но разбитная баба уходит не собиралась, пялилась с веселым и жадным любопытством, и, кажется, с трудом удерживала на губах вопрос:

«Ну и как оно?»

Нужно было что-то сказать, но Саша не знала – что, и улыбаться через силу ей не хотелось.

К счастью, Дуня не стала играть в молчанку и снова заторопила ее:

– Подымайся, швидче, швидче! Ну ты що обомлела-то опять?... Боишься, що ноги не сойдутся, али у тебя за ночь хвост русалочий отрос? – хихикнула и слегка подтолкнула Сашу:

– Сорочку твою и прочую одежонку замыть надоть, а другое платьишко я тебе зараз принесу после баньки. Чайку попьем, и велено тебя в культпросвет сопроводить, голуба.

– Куда-куда сопроводить?... – Саша предпочла не уточнять, кем это «велено».

– В культпросвет, к Всеволоду Якличу. Он тебе за работу объяснит...

После бани (Саша впервые в жизни мылась в кухонном закутке за печью, с наклонным полом, и поливала себя холодной водой из бочки и теплой – из корыта, но была несказанно рада и такому мытью) и чая (одеты в одни сорочки, они пили его в той же комнате, где вчера был накрыт ужин) Дуня куда-то сбегала и принесла «выходной наряд». На сей раз это было не скромное ситцевое платье и поношенные ботики, а полный дамский гардероб, точно целиком снятый с вешалок и полок французского модного магазина...

Шелковые чулки и атласные панталоны, отделанные кружевом, узенькие сапожки, шнурующиеся крест-накрест, из мягчайшей кожи, юбка и жакет из английского сукна, тонкая белоснежная блузка с треугольным воротом из голландского полотна. Все новое, никем не ношенное, ни разу не надеванное, это Саша увидела сразу. Поняла, покраснела и попыталась протестовать:

– Нет, нет, не нужно! Я не могу такое надеть...

– Чаво те «не нужно»? – рассердилась Дуня и даже ногой притопнула: – Оооох, барышня, и права ж Феня насчет тебя!.. Давай, одевайся зараз, неча мне личики делать – або ты гола по вулице пойдешь?..

– А... а где Нестор... Нестор Иванович? – Саша задала вопрос, не думая, сама себя чуть не ударила по губам, но было поздно – глаза бабы хищно сверкнули, точно лиса кровь почуяла:

– Нестор Иваныч! А я-то откель знаю, где Нестор Иваныч?.. Где ему надоть, там и ходить, мне не докладывается! Люди добре, вы гляньте на нее... вишь, сам батька ей занадобился посередь дня!

– Ты не так поняла...

– Та усе я уразумела!.. И вот шо скажу те, барышня: твое дело – бабье, сидеть да ждать, пока позовут.

Как ни мерзко было на душе, но Саша усмехнулась. «Сидеть да ждать» -это не очень-то согласовывалось с революционной идеей женского равенства, и совсем плохо – с анархией свободной любви, однако нельзя было не признать, что Дуняша права. Именно такое место ей и определил атаман Нестор Махно – той, что сидит да ждет, а в отсутствие «царя и бога» утешается шелковыми чулочками... и «работой» в непонятном культпросвете.

Не став больше спорить, она молча оделась – все пришлось впору, на фигуру село идеально, как будто Саша сама выбирала себе наряд – и под руку с Дуней, тоже принарядившейся, вышла на улицу...

Не удержавшись, оглянулась.

Дом, где она провела такую странную и жутко-сладкую ночь, был с виду самый обыкновенный крестьянский дом – длинный, белый, с голубыми наличниками, треугольной крышей и низким крыльцом. Снаружи он был окружен небольшим садом, с вишневыми и яблоневыми деревьями, и высоким плетнем. За плетнем лежала длинная и довольно широкая улица, немощеная, пыльная, однако расчищенная для прохода или проезда. По ней в обе стороны деловито сновали бабы и мужики, одетые по-крестьянски, и какие-то непонятные личности, наряженные кто во что – от военной формы до потрепанных городских сюртуков и пестрых цыганских лохмотьев. Порою проезжали подводы, груженные разнообразным скарбом, мешками, корзинами, из-под колес летела желтая пыль.

Саша с непривычки закашлялась, прикрыла лицо шалью, спросила:

– Далеко этот ваш культпросвет?

– Та ни... на Соборной, зараз дойдем, – отмахнулась Дуня. – Думаешь, у меня час есть с тобой возиться? Мне еще до школы надоть... Галю повидать.

– Так я что, одна там останусь? – успокоившееся было сердце снова забило в тревоге, Саша покрепче ухватила за локоть своей невольной компаньонки. – Зачем?..

– Ой, да шо ты за трусиха такая! Кто тебя тронет теперь-то?.. И не одна ты будешь, а со Всеволодом Якlichem, он тебе и обскажет все, шо надо... и домой опосля проводит...

– А с тобой мне нельзя? В школу, или куда ты собиралась... – сидеть в загадочном «культпросвете» в компании обходительного, слишком обходительного Севы, когда она еще не остыла от ночи с атаманом, из-за нее едва не всадившего Севе пулю между глаз, Саше вовсе не улыбалось.

– Да ты не проспалась, чи шо? – Дуня неодобрительно покачала головой. – В школу ее возьми, або еще куды... Языка не разумеешь? Куды велено, туды и пойдешь.

– А как же человеческая свобода и отрицание принудительного управления и власти человека над человеком?..

– Шо?

– Ничего, пойдём. – пересказывать этой хваткой бабе анархические идеи, что звучали во вчерашних мужских речах за ужином, смысла не было. Как и не было смысла снова пытаться Дуню насчет Нестора – он и в самом деле мог быть где угодно, может, вообще уехал из Гуляй

Поля, в разъезд или на смотр позиций, или куда еще может ездить батька атаман во время войны и осадного положения... Голова его наверняка занята чем-то поважнее удобств и душевных терзаний «любушки», взятой на одну ночь.

Да ведь и об удобстве подумал, любезный кавалер: не оставил без платья, без белья – преподнес и чулки, и атласные панталоны, и все, что даме нужно, было бы на что жаловаться...

Гнев закипал в душе; чтобы не поддаться ему, Саша опустила голову, посмотрела на подол юбки из дорогого добротного сукна – он успел перепачкаться пылью, запылились и новенькие сапожки. Таким бы ступать по булыжной мостовой, по гранитной набережной в Петербурге или в Париже, а не по малороссийскому проселку, ведущему неведомо куда...

***

По улице скакал верховой – прямо им навстречу, не сворачивая, как будто нарочно хотел напугать, заставить метнуться в сторону, под защиту плетней, или еще пуще закашляться от пыли. Так и надо было бы поступить, убежать скорее с дороги, но Саша замешкалась, засмотрелась на всадника: уж очень колоритным он ей показался, прямо как с картины Васнецова или Билибина... На голове – овчинная шапка, похожая на кавказскую папаху, из-под нее вьются роскошные, до плеч, темные кудри; сам одет в гусарский мундир с позументами, на шее висит кинжал, по боку бьет огромная сабля времен войны с турками, и даже конь под ним, породистый рыжий рысак, весь разукрашен лентами и цветами, и еще какими-то побрякушками.

Бдительная Дуня оказалась тут как тут, зашипела на ухо:

– Шо остолбенела опять? Рот-то закрой, як бы ворона не залетела!

– Да, да, пойдём...

Всадник, гордо подбоченясь, уж было проехал мимо, но вероятно, то был просто маневр, военная хитрость: стоило женщинам сойти на обочину, как он развернул коня и направил к ним, да так, чтобы отрезать путь к бегству.

– Доброго утречка, товарищи женщины! – он оскалился, свесился с седла в аффективном, театральном поклоне, снова выпрямился, покрутил головой, давая полюбоваться собой: дескать, вы только гляньте, мадамочки, как я хорош. – Куда путь тримайте? Чи немає часа прогуляться с товарищем Щусем, командиром Революционной повстанческой армии⁷?

– Бох с тобой, Федос, шо ты озорничаешь! Какие ишшо прогулки посередь дня! – Дуня как видно, отлично знала этого командира, и посматривала на него хоть и с опаской, но задорно, с лукавинкой. – По делу мы йдемо, по делу. В культпросвет.

– Эвона как! – Федос хмыкнул, качнул красивой головой, снова наклонился, вглядываясь в Сашу. – И что же в культпросвете буде робить така распрекрасна кралечка? Кого просвещать? И об чём?

Тут он залихватски подмигнул, и у Саши душа в пятки ушла. Глаза у него были красивые, но пустые – точно стеклянные, улыбка злая. Как назло, вдруг пришел на ум классический «Курс психиатрии» профессора Корсакова⁸, по которому она занималась на Высших женских курсах, и что такое вот вычурное поведение свойственно истероидному типу личности...

«Ох, и зачем только вспомнила... Не поможет мне сейчас моя наука, только хуже сделает...»

– Да ты немая, чи шо? – соболиные брови Федоса сдвинулись, и он надменно проговорил: – Мне надобно отвечать.

---

⁷ Феодосий (Федос) Юстинович Щусь (25 марта 1893 – 13 (27) июня 1921) – командир повстанческого отряда, затем один из командиров в Революционной повстанческой армии Украины, начальник кавалерии, «правая рука» Нестора Махно.

⁸ С.С. Корсаков – русский психиатр, один из основоположников нозологического направления в психиатрии и московской научной школы психиатрии, автор классического «Курса психиатрии» (1893), один из основателей экспериментальной психологической лаборатории в Москве в 1886 году.

«Мне надобно отвечать...» – эту же фразу ей вчера сказал Махно, но иначе, совсем иначе – так, что не подчиниться не просто было нельзя, но даже и хотелось... А этот Щусь был какой-то пародией, шутком гороховым... но страшным, злым шутком.

Сашины щеки предательски заалели, когда она вспомнила о Несторе, и его имя, произнесенное про себя, сразу придало сил. Она подняла голову, посмотрела Щусю в глаза и сказала:

– Нет. Я не немая.

– Ох ты ж, и впрямь разговаривает, куколка! – картинно восхитился Федос, конь заплясал под ним, Дуняша прыгнула, закрыла собой Сашу:

– Буде тебе, товарищ Щусь! Буде! Это ж... Всеволода Яклича помичница новая. Ляксандра Николаевна... С Москвы.

– Та ну? А мне уже насвистели, що то Нестора Иваныча забава новая! – загоготал Щусь, запрокинул голову, так что с кудрявой головы чуть не свалилась папаха.

Дуня опять вскинулась потревоженной квочкой, замахала руками:

– Да шо ты мелешь, айййй, Федос!.. – хотела еще что-то сказать, но тут Саша решила, что терпела достаточно, и – будь что будет – проговорила громко и четко, как на занятиях риторикой:

– Стыдитесь, товарищ Щусь! Грязными словами вы не меня оскорбляете – вы позорите себя, командира Революционной повстанческой армии, и самого атамана, Нестора Ивановича Махно...

Она сама удивилась, до чего легко с ее губ соскользнуло это грозное имя – и не без злорадства увидела, как Щусь вытаращил на нее блестящие глаза, как приоткрыл рот, и его красивое лицо разом поглупело и сделалось виноватым...

– Да чегось... ладноть... я ж того... пошутил. Помичница, значит, помичница. – поднес руку к своей папахе, точно козырнул, и по-свойски предложил:

– А давайте, Ляксандра Николаевна, я вас верхами в культпросвет доставлю! На коникето моем швидче буде, ніж на своих двоих.

– Нет, спасибо, товарищ Щусь. Я пойду сама.

Конь у него и в самом деле был добрый, на удивление холеный, на таком бы Саша охотно прокатилась, но без Щуся, а как полагается – сидя в седле, ногами в стременах, держа в руках поводья...

– Та горазд, чаво ты ломаешься, як панночка! – он, словно эквилибрист в цирке, резко наклонился, выбросил вперед длинные цепкие руки, ухватил Сашу, как орел -ягненка и втащил к себе на коня – она и охнуть не успела.

Щусь утвердил ее в седле, усадил поудобнее, приобнял одной рукой, вроде поддерживал, и церемонно кивнул Дуне:

– Товарищ Евдокия, Всеволодову помичницу я доставлю куда надобно, а ты вже як-нибудь сама.

Федос пустил коня некрупной рысью. Саше было неловко и тряско. Она отменно ездилась верхом – спасибо отцу-кавалеристу и его урокам, что давал дочке сызмальства, едва ходить научилась – но никогда еще не случилось ей сидеть в седле безвольной пленницей... тряпичным чучелом, кулем с мукой.

Хуже всего было чувствовать, как нагловатый красавчик, вообразивший себя рождественским подарком, прижимается к ней, трется, делая вид, что поддерживает на скаку, и слушать его нашептывания, густо пропитанные табаком и водочным перегаром, вместе с неожиданными нотами какого-то резкого одеколора:

– Слышь, панночка, ты не серчай... я хоть от бабской красы дурею, но и нутро ваше бабское насквозь бачу. Знаю я, шо ты за така «помичница», мне товарищ Волин уже сказывал про вчорашнее-то...

– Что сказывал?

– Известно, що: и як плясала ты з ним, и як батька Махна на нього маузер наставлял... так я про що кажу-то, панночка... мы тут все живем вольно, никто никому не хозяин, и каждая жинка – вона теж людина! Так що, як з Нестором Иванычем нагуляешься, приходи до мене, розумєешь?

– Товарищ Щусь, я ни с кем не гуляю, и я здесь только временно, по ошибке. – Саша решила не отмалчиваться, поддержать разговор, а заодно кое-что сразу объяснить гуляйпольским донжуанам, что оказались сплетниками похуже, чем девчонки в пансионе Куропаткиной.

Она не могла бы сказать, да и не думала вовсе, что Махно ее изнасиловал – этого и близко не было, скорее, она побоялась отказать... но то, что случилось между ней и атаманом, не важно, по согласию или без, не означало, что воля Александры Владимирской окончательно сломлена. Она не собиралась вести себя так, словно готова лечь с любым, у кого при виде нее закапала слюна; предстояло найти тонкую грань между жертвенной податливостью и опасным высокомерием... и удержаться на этом острие, пока Бог или судьба не пошлют возможность сбежать.

Щусь за спиной хмыкнул -видно, сразу не смог сообразить, что ответить «панночке» – а Саше только того и надо было: выиграть время.

Улица неожиданно закончилась, уперлась в площадь, где возвышался собор, а вокруг – каменные дома, в основном в два этажа, на вид довольно приличные, не разграбленные. Повсюду развевались знамена, черные, вперемешку с красными, сама площадь была запружена людьми, пешими и конными, и какими-то странными брочками – Саша таких никогда не видела. Ей даже показалось, что на них установлены артиллерийские орудия, но, должно быть, все-таки показалось...

Люди шумели, кони храпели, ржали, а порой начинала играть гармошка или трубить труба.

– Вот мы и на месте, Ляксандра Николаевна! – важно сообщил Федос. – Здесь у нас, подивись, и штаб – реввоенсовет, и волостной совет, и культпросвет...

– Спасибо... – она хотела соскользнуть с седла, но он не пустил:

– Куды? Почекай, довезу тебя прямо до входу, а то ще затопчут – бачиш, митинг! Молодые анархысты к нам прибыли, вишь, сколько!

Нужный им дом тоже был двухэтажным, каменным, даже с палисадником, но одно окно внизу было выбито и заколочено наспех досками, а другие такие грязные, что рассмотреть сквозь них ничего было нельзя.

У входа, справа и слева от кривой вывески с надписью «Культпросвет революционной армии батьки Махно», висели два флага – чёрный и красный. На черном было написано: «Власть рождает паразитов. Да здравствует анархия!», а на красном – «Вся власть советам на местах!».

Федос вдруг молодецки присвистнул, вытянул руку с нагайкой, указал налево:

– О, глянь-ко, сам Нестор Иваныч выступает! Ну а чо ж, и правильно, нехай молодняк на батьку видразу и подивится, и послушает!

– Где?.. – пробормотала Саша.

– Да вона. Вишь, на рессорке стоит?

Она взглянула, узнала... Конечно, это был Нестор: в гимнастерке и португее, с саблей на боку, в бараньей шапке, изрядно придававшей ему росту... Он что-то говорил – горячо, даже зло, толпа преданно слушала, то и дело взрываясь одобрительными криками или гулом.

Саша поспешно отвела глаза, чувствуя, что при одном только упоминании о Махно, не то что от взгляда на него, ее снова как будто сунули в раскаленную печь, и внизу живота предательски разлилась сладкая, влажная боль. Да что же это за наваждение?.. Еще позавчера она его знать не знала, а сегодня тоскует по нему, как по любовнику...

«Ах, так он же и есть – полюбовник!»

Наверное, у нее на лице все было написано крупными буквами, потому что Федос, с любопытством ее разглядывавший, оскалился:

– Ще, екнуло сердечко?.. Вправду? Могем ближче подобраться, тож послухать. Тебе треба, ты ж помооощница по культпросвету!

– Нет! Нет... – Саша улучила момент, спрыгнула с седла, подбежала к нужной двери, дернула на себя – слава Богу, открыто! – и проскользнула внутрь, в длинный коридор, пахнувший мышами, канцелярским клеем и жжеными спичками.

Пробежала до конца, инстинктивно повернула налево, толкнулась в дверь – изнутри важно сказали:

– Да-да, товарищ, входите! – вошла, и оказалась в большой комнате с низким потолком, но с тремя окнами, разделенной пополам ширмой, похожей на театральную. За ширмой было что-то навалено и наставлено в беспорядке, может, мебель, может, сценический реквизит, а на видимой половине стоял громадный канцелярский стол и несколько стульев. Был еще шкаф, несколько полок и столик поменьше, где примостились чайник, спиртовка и стаканы в подстаканниках.

Над спиртовкой колдовал Сева – Всеволод Яковлевич Волин, глава махновского «агитпропа», как успела запомнить Саша из путаных пояснений Дуняши и откровений Щуся. Должно быть, собирался пить чай, но, увидев вчерашнюю партнершу по танцу, оставил свое занятие, принял галантный вид и пошел ей навстречу:

– Александра Николаевна! Очень, очень рад, что вы все-таки решились заглянуть... прошу, прошу, садитесь, располагайтесь!

Он смахнул со стула какие-то газеты и папки, пододвинул его поближе к столу, усадил Сашу и сейчас же вовлек в разговор, вежливо, по-деловому, принялся «вводить в курс дела». Объяснять, что у них в Гуляй Поле прямо сейчас творится история – формируется особая, народно-революционная армия под командованием Нестора Ивановича Махно, полководца от Бога... что крестьянская молодежь, после нескольких громких побед бабки на германскими оккупантами, валом валит под черные знамена, со всех окрестных сел и хуторов.

– Так вот, голубушка моя, Александра Николаевна, извольте видеть – всех их надо не только вооружать, но и обучать, и развивать, приобщать к революционной культуре! Объяснять принципы, по каким существует новое, безвластное общество...

– Да что же вы от меня хотите, Всеволод Яковлевич? Чем я могу помочь?

– Сущие пустяки, Александра Николаевна! На машинке печатать умеете?

– Умею. – в годы войны, и после, когда она осталась совсем одна в Москве, пришлось научиться и этому...

– Ну так это же прекрасно! Замечательно! Значит, будете перепечатывать заметки для стенгазеты, и речи для митингов... речи-то пишет в основном Галина Андреевна, а у нее почерк неразборчивый, не учительский совсем.

– Хорошо, но...

Сева будто не услышал, не понял, что она хочет возразить; игриво понизил голос, склонился к ней:

– Вы, Сашенька, прекрасно танцуете – имел счастье убедиться... уж простите меня за фамильярность... ну а на музыкальных инструментах играете? Поете?

– Да... На фортепьяно, и на гитаре немного...

«Никакое знание не бывает лишним, Сашенька», – наставлял ее отец, еще когда она была гимназисткой и жаловалась на скучные предметы, и в этом папа оказался полностью прав, как и во многом другом. Например, что общность интересов и вкусов – не самое главное в любви между мужчиной и женщиной... Саша всегда с этим спорила, но, похоже, не все понимала.

Она поймала себя на том, что отвлеклась, когда Сева неожиданно умолк, задав очередной вопрос, который она прослушала:

– Простите, Всеволод Яковлевич... Я что-то не очень хорошо себя чувствую. Можно мне глоток воды?

– Конечно, конечно, голубушка! – Сева снова засиял, как начищенный самовар, и от души предложил:

– Может, чайку? Чай – первое дело в военном лагере, а ведь мы, Александра Николавна, на осадном положении! Неустанная, неустанная партизанская война против германо-австрийских оккупантов! Давайте, давайте, выпьем кипяточку, у меня тут и *цукерки* припрятаны... конфеты по-малоросски...

Он повернулся было к спиртовке, и Саша хотела воспользоваться паузой в разговоре «насчет работы», чтобы все-таки спросить о том, что ее больше всего волновало – неужели нет никакой возможности попасть в Екатеринослав, или хотя бы послать телеграмму?.. Ведь Лена, сестра, не дождавшись ее в положенный срок, наверняка сходит с ума... и кто знает, станет ли дожидаться, искать, или, узнав о нападении бандитов на поезд, сочтет сестру погибшей – и уедет в Париж одна... Но тут громко хлопнула входная дверь, в коридоре затопали сапоги, послышались голоса, и Саша очень пожалела, что ее высокий рост, вкуче с двадцатью пятью прожитыми годами, не позволят ей по-детски спрятаться под столом.

– Товарищ Волин! Сева! Где ты тут заховался промеж плакатов, так твою растак? – это басил Задов, в том не было никаких сомнений, и тут же кто-то незнакомый добавил ехидно:

– Видать, у них полдник...

– Какой к херам полдник! Где плакаты, я спрашиваю? – от этого голоса у Саши внутри все оборвалось, она растерянно посмотрела на Волина, но тот ничем не мог ей помочь – сам был растерян, похоже, он не ждал налета... то есть, делегации во главе с самим батькой Махно.

– Нестор, сюда, – сказала женщина, и сейчас же дверь в комнату распахнулась. Стремительно вошел Махно в окружении своих клеветов, направился прямо к большому столу, где был разложен, как Саша теперь видела, сохнувший агитационный плакат. Над ним Нестор и склонился с большим интересом, на Сашу не взглянул, удостоил только короткого сухого кивка – на двоих с Волиным.

Она все равно покраснела, закусила до боли нижнюю губу, стараясь не вспоминать, как ночью он ласкал ее языком, вцепилась в края стула, ставшего вдруг ужасно неудобным. Если бы могла, то и дышать бы перестала, чтобы не чувствовать его запах: табак, порох, горячая степь.

Зато женщина, пришедшая вместе с Махно, посмотрела на Сашу очень внимательно, пристально... мол, ну-ка, ну-ка, что тут у нас за цаца!

Сама она была стройная, высокая, темноволосая (коса короной уложена вокруг головы), с крупными чертами лица и властным ртом, одетая по-мужски. Под ее взглядом становилось так же холодно и неудобно, как в гимназические годы, пред очами самой госпожи Куропаткиной.

Сева спас: выступил вперед, дружелюбно улыбнулся, сделал широкий жест:

– Галина Андревна! И вы здесь, как раз к чаю!

«Так вот кто эта Галина Андреевна, что махновские речи пишет... и не к ней ли, так похожей на классную даму, собиралась заглянуть Дуняша?»

– Не до чая мне, товарищ Волин, – сдержанно улыбнулась Галина. – Вот, видите, пришли с инспекцией... а то узнать, не нужна ли товарищеская помощь? У нас ведь съезд, концерт для вновь прибывших, и с наглядной агитацией беда – ничего не готово.

– Обижаете, матушка Галина Андревна! Как это не готово? Давайте, я вам все покажу... Рук, конечно, не хватает – надо бы сто, а у меня всего две, – ну да ничего, в редакции «Набата» бывало и хуже, справимся... вот, спасибо Нестору Ивановичу, прислал мне толковую помощницу, позвольте отрекомендовать.

– Да я уж вижу... – голос Галины оставался сдержанным, но улыбка стала откровенно неприятной. – Товарищ Владимирская, Александра Николаевна, из Москвы... между прочим, из дворян...

Она смотрела на «помощницу» в упор и, верно, ждала испуга, смущения, каких-то жалких слов, но Александру, дочь полковника царской армии Николая Владимирского, служившего под началом Скобелева, героя Плевны и Шипки, смутить было куда труднее, чем курсистку Сашу.

Александра ничего не сказала – собственно, ее ни о чем и не спрашивали, обсуждали поверх головы, как вещь, полезную в хозяйстве – и тем самым демонстрировали отсутствие воспитания и манер... – но взгляда не отвела, и на высокомерную улыбку Галины ответила улыбкой самой приветливой... и презрительной. Этот трюк они с подружками по пансиону нарочно придумали, чтобы злить классных дам, не давая формального повода к наказанию, и довели до совершенства.

– Галина! – не оборачиваясь, позвал Махно. – Подь сюда. Не разберу, це Бакунина або Кропоткина слова?

Галина тотчас пошла к нему, словно только и ждала приглашения, и они склонились над плакатом уже вместе... другие товарищи тоже лезли смотреть, толкались у стола. Саше почему-то очень захотелось запустить в них подстаканником, но она строго осадилась внутри себя распоясавшуюся гимназистку, и тихо спросила у Севы:

– Кто эта женщина?..

– Ууууу, голубушка моя, это же сама Галина Андреевна Кузьменко⁹! Учительница в местной школе... бывшая, теперь же секретарь и, поговаривают, морганатическая¹⁰ супруга Нестора Ивановича... настоящий анархистский союз!

«Вот как!.. Что же ты мне вчера об этом не сказал!» – едва не вскрикнула Саша, но сразу же признала несостоятельность своей претензии. Ну, сказал бы ей товарищ Волин про «морганатическую» жинку батьки, и что?.. Разве это поменяло бы что-то в намерениях Махно, и разве она в самом деле имела свободу выбора?..

Уложил под себя, использовал, после отдарился платьем и чулками, и вернулся к своей анархистке-классной даме... Она-то совсем не выглядит кроткой цыпочкой, и рука у нее, наверное, тяжелая... может, прикладывает его полотенцем по шее, как заведено у ревнивых жен на Украине... Нет – скорее лупит указкой по пальцам... или ставит коленями на горox...

Представив эту картину, Саша, не успев прикрыть рот рукой, прыснула так громко, что ее услышали у стола.

Нестор обернулся. Брови у него хмурились, синие глаза сверкали все той же свирепостью... и вдруг свирепость исчезла, сменилась искорками юмора, и на губы поползла усмешка – совсем мальчишеская...

– Нестор Иванович! – требовательно окликнула Галина. – Подивися ось сюди.

Он послушался:

– Ну, дивлюся, що там? – но лицо отвернул с неохотой, и с неохотой снова склонился над плакатами.

Саша тоже отвернулась к окну, сделала вид, что интересуется спиртовкой и закипающим чайником, конфетами, что припас Сева – но сердце стучало больно и так громко, что Нестор наверняка его слышал.

***

Пить чай Махно не остался. На радушное приглашение Волина буркнул:

---

⁹ Агафья (Галина) Андреевна Кузьменко (1892—1978) – украинская националистка, революционерка и анархистка, жена Нестора Махно с весны 1919 года (по некоторым неподтвержденным данным – с осени 1918 года)

¹⁰ Морганатический брак – здесь: в значении неравнородный, когда супруги происходят из разных социальных классов.

– Часу нема. – и ушел, увел за собой свою банду «вольных анархистов», исчез так же внезапно, как появился. Вместе с ним исчезла и «морганатическая супруга» – на прощание одарив Сашу таким взглядом, что хоть сейчас завещание пиши... но Саша лишь усмехнулась, подумала зло и весело:

«Эх, Галина Андреевна, не учились вы в пансионе Куропаткиной, и с маменькой моей знакомы не были, а то знали бы, что женскими штучками меня не пронять... Может, вы здесь кого и загнали под каблук – вон как Всеволод Яковлевич лебезит перед вами! – но я не боюсь... Вас -не боюсь».

Бес за левым плечом сейчас же усмехнулся ехидно, постарался сбить спесь:

«Вот как, не боишься? А если она шепнет своим „подкаблучникам“ – может, даже самому главному – и выведут тебя в степь, в ковыли, там и прикончат, перед тем как следует потешившись?..»

Бес, наверное, был прав, Галина – опасна, как спящая в траве ядовитая змея, что лишь с виду невзрачная да безобидная, но попробуй-ка, потревожь ее в жаркий летний полдень... Думать в эту сторону не хотелось.

Отпивая чай из предложенного Севой стакана – на удивление вкусный – Саша вдруг поняла, что и Галина считает ее опасной. Настолько опасной, что понадобилось сразу же показывать свои зубы, поддевать, угрожать, что дворянское происхождение может очень даже выйти боком, здесь, в вольной анархической республике... Но почему? Ответ на этот вопрос был очевиден, хоть и казался невероятным. Саша знала силу своей красоты, знала со школьных лет, с первого ученического бала, но не была настолько самовлюбленной или самонадеянной, чтобы поверить, что интерес к ней со стороны такого человека, каким виделся ей атаман Нестор Махно, настолько силен и... заметен, что вызвал ревность боевой подруги.

Против воли она вспомнила его недавний взгляд -пристальный, жгучий, магнетический – и улыбку, по-мальчишески задорную... и нежную, если это слово вообще было применимо к нему.

...Сева все трещал над ухом, вовлекал в разговор, о чем-то расспрашивал, предложил после чая *«прогуляться по Гуляйполю, чтобы вы, голубушка, все посмотрели, прониклись революционным духом – так понятнее будет, с чем придется работать...»*

– Всеволод Яковлевич... – Саша решила не кривить душой: Волин, хоть к нему все и обращались «товарищ», очевидно тоже был «из панов», или, по крайней мере, из разночинцев, и точно городской – не селянин, значит, способен ее понять:

– Всеволод Яковлевич, ну это же безумие. Неужели вы и впрямь думаете, что я здесь задержусь надолго?..

Сева посмотрел на нее очень внимательно, с сочувствием... и тихо сказал:

– А это уж как Нестор Иванович решит, голубушка... мда... но как он решит – зависит от вас. От вас!

Глава 5. Нестор

*Кохання-кохання
З вечора до рання.
Як сонечко зійде,
Як сонечко зійде,
Кохання відійде.
Українська народная песня*

– Саша, давай-ка, поиж! Давай, не манкируй, панночка! Для кого я намагалася-то, с ног сбивалася? – Дуняша притворно нахмурилась, подтолкнула по столу огромную миску с варениками и крынку со сметаной, такой густой, что ложка в ней стояла по стойке «смирно». – Ешь, а то силком в рот запишаю!

– Не надо, я сама... – Саша неумело нацепила на длинную деревянную спицу вареник, под строгим взглядом самозванной няньки обмакнула в сметану, отправила в рот. – Очень вкусно, спасибо.

– «Вкусно»! – передразнила баба. – А то сама не знаю, шо смачно! Потому и слежу, щоб ты ела, а не вздыхала так, шо свички гаснуть! Думаешь, он тебя бильше полюбит, якщо ти як бледна немочь ходит будешь? Це, мож, у вас на Москве так прийнято, а тут не так!

– В Москве сейчас с едой совсем плохо, нет там ни сметаны, ни вареников... – вздохнула Саша, в глубине души надеясь, что Дуняша переключится на обсуждение трудных времен и оставит щекотливую тему, перестанет к месту и не к месту упоминать «его». Но не тут-то было.

– Так и я про шо – выходит, свезло тебе, шо наши хлопцы паровоз-то остановили! Здеся, в Гуляйполе, хоть подкормишься... Ты када в неприютности плюхнулась, як трусиха, глазами-то закатилась, тоби ж сперва хотели к Федосу везти вместе с другими, я насилу отбила –казала, шо ты анархыстка, учителька, нарочно с Москвы своей до батька Махна идешь...

– Спасибо тебе. – Дуня, сама того не зная, ответила на давно мучивший Сашу вопрос – почему она вообще оказалась не просто в Гуляйполе, а в доме самого Махно?

– Та уж есть за шо! Федос – он, конечно, красунчик, спору нет, но без башки совсем, а как выпьет, то и вовсе дурной становится!

– А... а... Нестор? – спросила и покраснела, обнаружив столь явный интерес, но не спросить было выше сил.

– Шо Нестор?

– Он... тоже дурной?..

– Та ни! Он, почитай, и не пьет почти, в поравнении с иншими хлопцами! Тай Галя не одобряет, не любит вона, когда атаман в подпитии.

Опять эта Галя... вероятно, Махно сейчас с ней – время позднее, анархистский праздник давно затих, все разбрелись кто куда – ну так и где же быть мужу, как не возле жены?.. Наверное, минувшей ночью он тоже пошел к своей Гале, пошел прямо от нее, случайной любовницы, а с ней даже не переспал – *поимел*, как съел миску вареников в придорожной корчме.

Вареники вдруг показались тошнотворными, как и вся остальная снедь на столе, чересчур богатом для двух женщин, Саша положила спичку и отодвинула миску.

– Ты шо это? – насторожилась Дуня.

– Ничего.

– Та я уж бачу, шо «ничого»! Ой, а чога глаза-то у нас на мокром месте?.. Дааа, присушил тебя наш батька атаман, как есть присушил!

Присушил. Это было точное слово, до сердечной боли точное. Присушил... именно так она себя и чувствовала. Вспомнился вдруг колдун из «Страшной мести»¹¹, которого она боялась в детстве, и несчастная Катерина, чья жизнь закончилась так плохо; Саша воспротивилась – в который уже раз – и словам Дуняши, и собственному сердцу, и телу, что бесстыдно томилось в сладкой тоске:

– Это не из-за него!.. Отстань ты уже со своим атаманом, Бога ради, на вашем Несторе Ивановиче свет клином не сошелся!

– Чегось-чегось гутарите, Ляксандра Николаевна? – бухнул вдруг с порога веселый и громкий, хмельной голос. – На кому це свит клином не сошевся?

В хату без приглашения завалился Щусь, неизвестно откуда взявшийся – подкрался, как вороватый кот на мягких лапах, да и прынул на зазевавшихся мышей. Вместо папахи на нем была бескозырка с надписью «Иоанн Златоуст», гусарский мундир распахнут на груди, из-под него торчала тельняшка, в руках Федос держал гитару и белую коробочку, перевязанную розовой лентой.

Дуняша встала ему навстречу, вроде как недовольная, но Саша-то видела, что насмешливая болтушка мигом преобразилась в ласковую кошку, только что не замурлыкала:

– Аййй, Федос, вот тебе только и не хватало на мою голову! Нешто звалы тебя?..

– А то не? Товарищ Щусь как вольный анархист везде у себя дома, и везде ему рады! – осканился «красунчик» и метнул взглядом на затаившуюся Сашу. Сразу захотелось поглубже закутаться в шаль, прикрыть шею и грудь, отвернуться, чтобы не пялился...

– Чой-то у тя там? – Дуня потянулась к перевязанной коробочке, он сразу не отдал, поднял над головой:

– Та ось гостинчика принес, цукерки французские, а мож, немецкие, пес их разберет!.. Товарищи анархысты, прибывшие с Катеринославу, презентовали на вечерю...

Услышав про Катеринославу, Саша встрепенулась, в душе воскресла надежда – как знать, вдруг она сумеет вытянуть у Щуся какие-нибудь полезные сведения, может, он назовет ей «товарищей из Катеринослава», и получится через них передать весточку сестре?

Федос по-прежнему казался ей опасным – Дуня справедливо назвала его «дурным» – но все же не таким опасным, как трезвенница Галина Андреевна; к этому парню, шумному, развязному, скорому на все поступки, можно и нужно было поискать подход. Да и положение Щуся занимал видное, командовал собственным отрядом, а значит, распоряжался лошадьми, и мог дать людей в сопровождение. Не зря же Сева рекомендовал его как «правую руку Махно», и нетонко намекал, что с Федосом нужно считаться, и лучше даже – дружить... Ох, только бы не перехитрить саму себя, не получить от такой «дружбы» куда больше, чем нужно.

Дуня тем временем отняла у Щуся коробку – сменяла на смачный поцелуй, и, вырвавшись из объятий, с красными щеками, хихикая, побежала за самоваром:

– А ось мы зараз чайку изопьем, да с цукерками французскими!..

Федос плюхнулся на лавку напротив Саши, вроде бы не глядя на нее, начал настраивать гитару, что-то мурлыкал себе под нос, а потом резко ударил по струнам и запел:

– Анархыя-мама сынов своих любит,

Анархыя-мама не продаст!

Свинцовым огнем врага приголубит,

Анархыя-мама -за нас! – и дальше в таком духе, куплетов пять-шесть. Голос у него был прекрасный, приятного тембра, но очень уж громкий, так что и не пел товарищ Щусь, а, как сказал бы Сашин учитель музыки – горланил...

Она вежливо терпела, не морщила нос, даже пару раз одобрительно улыбнулась, словно ей нравился бравурный военный марш в таком необычном исполнении. Федос умолк, переводя

¹¹ «Страшная месь» – повесть Н.В.Гоголя из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки».

дыхание, ухватил из миски вареник, макнул в сметану, засунул в рот, прижмурился от удовольствия:

– Уххх, смачно! – облизал пальцы, и снова взялся за гитару.

На сей раз из-под его пальцев полилось что-то более мелодичное и печальное, мгновенно отозвавшееся в сердце Саши острой тоской... и воспоминанием... ночь, темнота, табак и горячая степь, свирепые синие глаза, ласковые руки... а уж когда Федос затянул:

– Ой, чей-то кинь стоит,

Що сива гривонька.

Сподобалась мені,

Сподобалась мені

Тая дівчинонька... – узнала и песню, что звучала вчера под окном горницы.

«Прислушил...»

Дуня принесла чай, разлила, присела рядом с Щусем, подперев голову рукой и вроде даже пригорюнившись, слушала про коня, дивчину и доброго молодца.

Когда он допел и длинно, нежно, со значением взглянул на Сашу, та смогла только похлопать ладонью о ладонь, изображая аплодисменты... Он фыркнул недовольно, потряс головой, как жеребец:

– Та вы чегой, Ляксандра Николавна, думати, я тут пред вами как в тиятре або в кабаке выступаю?.. Куплетист, да? Промежду прочим, я людына вильна, и співаю токмо для щастя и радости, как птица поет! Уразумела, панночка?..

– Простите меня, товарищ Щусь, я вовсе не хотела вас обидеть. У вас прекрасный голос... и... репертуар.

– Чегось? – Федос повеселел, когда она похвалила его голос, но слово «репертуар» было незнакомым, и он снова насупил брови.

– Вы поете хорошие песни.

– Для тебя, миж иншим, и співаю, панночка! А ты сидишь, эвона, точно жабу проглотила!

Дуня ткнула его в бок:

– Оставь ты барышню, Федос, ей-Богу! Вишь, она и так сама не своя... – и что-то прошептала на ухо, хихикнула, Щусь же глупо и сально ухмыльнулся:

– Эвона как... чого ж видразу не сказала про таку справу? Я б тады краще частивки заспивав! – и снова ударил по струнам:

– Эх, яблочко

Да ты моченое-

Едет батька Махно,

Знамя черное!

Ох, яблочко

Да на тарелочке,

Не ухлопали б меня

В перестрелочке!

Анархыст молодой,

Зачем женишься?

Придет батька Махно-

Куда денешься?

Щеки Саши запылали, как маков цвет, она уткнулась в свой стакан с чаем, как еврей в Тору, Щусь же, перемигнувшись с Дуняшей, продолжал, как ни в чем не бывало:

– Эх, яблочко,

Сбоку зелено,

Мне таким как ты

Давать не велено!

Оборвал сам себя, шумно глотнул чаю, бросил в рот «цукерку», сжевал и подмигнул:

– Не велено, так ведь, панночка?.. Або сама не хошь?..

До Саши наконец-то дошло, что все эти гастроли в ее честь затеяны неспроста, и Дуня с Щусем, отлично спевшиеся и понимавшие друг друга с полуслова, просто издеваются над ней... то ли со скуки, то ли просто выживают ее из комнаты, чтобы остаться наедине. Недоумевая, почему Дуня не сказала сразу, что у нее просто-напросто любовное свидание – она и сама была рада-радешенька убраться подальше от «вольного анархиста» – Саша встала из-за стола, поблагодарила «за ужин и прекрасно проведенное время», и пожелала обоим спокойной ночи. Пожелала от души.

Сна у нее не было ни в одном глазу, но темная тишина и мягкая подушка вчерашней спальни казались сейчас куда более желанным пристанищем, чем импровизированная «гостиная» и музыкальный салон с романсами и частушками...

Первый день в Гуляй Поле дался ей нелегко, и нужно было обо всем подумать... что-то придумать, решить... и, может быть, тогда получится заснуть, и не прислушиваться отчаянно к каждому шороху за окном, гадая – *он* или не *он*? – и не чувствовать тупой горячей иглы, застрявшей в сердце, и сладкой ноющей боли внизу живота.

***

...Войдя в горницу, Саша затворила за собой дверь и заложила засов – к счастью, он был. В полной темноте (ставни на окнах были закрыты снаружи) повернулась, чтобы ощупью пробраться к столу и зажечь лампу, и тут же почувствовала, что не одна. Смешанный запах табака, пороха, горячей степи и острого мужского желания – она уже не могла его спутать ни с каким другим.

«Нестор!..»

Он налетел сзади, бесшумно, неистово, как хищная степная птица на беспечную добычу, схватил в объятия, слегка подтолкнул, опрокинул на кровать, и не на спину – на четвереньки... Придвинулся вплотную, обхватил еще крепче, руки сжимают грудь, на ухо – шепот, жаркий, безумный:

– Любушка, пусти до себя... Целый день только про то и думал, только тебя и ждал...

Саша потеряла голос и дыхание, сама прижалась к нему, как смогла, подставилась течной кошкой, пошире развела бедра... ни о чем не думала, ничего не стыдилась, оглушенная страстью и счастьем. Задрожала, когда он смял и поднял на ней юбки, нетерпеливо спустил белье, просунул руку в тесную щель – и пальцами утонул в женском соке, зарычал:

– Чую, кохана, ждала меня!

– Да... да!.. – выдохнула, признаваясь, приняла в себя глубже, сжалась: не было сил терпеть, но тут он убрал пальцы. – Нестор!..

– Тихише, любушка... вот он я!

Вошел сразу, на всю длину, до самого корня, да еще и обнял крепко-накрепко, одной рукой за грудь, другой – под самым животом. Не сдержался, застонал:

– Аааа... тесная ты!.. Саша, любушка моя...

В ней он был горячий, твердый как камень и такой большой, что, казалось, не должен поместиться – но помещался, и она уже не боялась, принимала снова, и снова, и наслаждение нарастало с каждым его яростным толчком. А рука Нестора у нее под животом скользила вверх-вниз, в одном ритме с членом, и заставляла истекать сладостной, ненасытной болью...

Он дышал рвано, хрипло, захлебывался короткими стонами, целовал Сашу все жарче, ласкал бесстыдно, и она, насаживаясь на него, забывшись, потерявшись в безумном удовольствии, неизведанном ранее, снова и снова шептала его странное, колдовское имя -до слез, до полубоморока...

...Очнулась не зная когда, уткнувшись лицом в подушку, по-прежнему в его объятиях; он лежал на ней, прижавшись всем телом, гладил плечи, целовал шею... она чувствовала, как по бедрам стекают теплые капли его семени, и запоздало подумала, что глупо и неосторожно отдается ему вся – словно он муж, венчанный с ней перед Богом. Но венчали их только месяц, ясный, холодный, что смотрел в окно, да гитара, нахально брэнчавшая за стеной...

Нестор задышал спокойнее, глубже, сердце приглушило барабанный бой, застучало размеренно, ровно. Атаман задремал, и Сашу саму повело в нежную истому. Хотелось закрыть глаза, провалиться поглубже в уютный сон, в стальном кольце Несторовых рук, под защитой его тела – худого, но крепкого, точно кнутовище из сыромятной кожи.

Кости точно истаяли, превратились в желе, но едва она слабо пошевелилась, чтобы переключиться, он сразу вскинулся:

– Куда, голубка? Ще ночь. Поспи со мною трохи.

Рассудок нашептывал, что пора бы протрезветь, очнуться от наваждения, и если уж не прогнать Махно прочь (он здесь был хозяином, а она лишь пленницей), то хотя бы встать, раздеться, помыться... и отыскать свои вещи, с утра отобранные Дуняшей. Но как встанешь, пока он так держит?.. Попроситься по нужде?.. Наверное, тогда отпустит, но у нее язык не повернулся, несмотря на то, что любые игры в женскую стыдливость теперь выглядели глупейшим жеманством.

Нестор точно мысли ее прочитал, хмыкнул, ослабил хватку, скатился с нее, перелег на спину, вытянулся:

– Тебе, може, треба куда? Так иди, якщо треба...

Саша неопределенно покачала головой – полученное дозволение могло еще и пригодиться – и решила спросить:

– А... вам... вам, Нестор Иванович, уходить не пора? Поздно ведь...

Рука с жилистым запястьем, прикрывавшая зевок, замерла, опустилась... по губам Махно скользнула не то усмешка, не то гримаса:

– Вот те на... Гонишь меня, любушка, або що?

– Я не гоню... – на всякий случай пояснила Саша, и тут же не стерпела, вспыхнула от обиды, накопившейся за день, и – как снежок в лицо метнула:

– Вас, наверное, супруга ждет-не дождется... ищет повсюду, переживает, а вы здесь.

Она ждала, что он рявкнет в ответ, и хорошо, если за косу не схватит, за то, что посмела всуе помянуть «морганатическую», но Махно только проворчал:

– Яка ще «супруга», не разумею? – с таким удивлением, словно и вправду «не разумел».

– Галина Андреевна... Разве она не твоя жена? – Саша решила, что пойдет до конца, раз уж затеяла этот опасный – и совершенно лишний – разговор.

Несторовы свирепые глаза закатились под веки, руки сложились на груди, как у покойника... она на секунду обмерла, и вдруг поняла, что ему весело.

Не ошиблась – он уже нахально скалил зубы в самодовольной усмешке:

– Эвона что... Она за ним сохнет, а он и не охнет!

– Ты не ответил!

– Кошка ты дика...

Саша разозлилась, как, бывало, злилась на мужа, когда подходила к нему с чем-то важным, трудным, волнующим до слез, а он все сводил на шутку. Еще больше разозлилась на собственную глупость, на попытку затеять светский разговор с этим диким зверем, самцом, окруженным гаремом самок, податливых и подбострастных с ним – но готовых сожрать друг друга за случку вне очереди... Отвратительная картина.

«А тон?... Боже, я взяла такой тон, словно и впрямь обижаясь, ревную, словно имею на него права! Какая пошлость...»

Наверное, Нестора Махно это и позабавило, как сцена из водевиля в провинциальном театрике.

– Любушка моя... – он потянулся обнять, Саша инстинктивно уперлась ладонями ему в грудь, отталкивая соблазн, но Нестор не уступил, атаковал снова, смял сопротивление, опрокинул, навис сверху, снова засмеялся – с торжеством, хотел поцеловать в губы.

– Нет! – она отвернулась, его губы скользнули по щеке... Махно фыркнул сердито, прижал сильнее, но к поцелую принуждать не стал. Тело атамана под расстегнутой гимнастёркой было горячим, пахло табаком и порохом, горьким медом, ночными сладкими травами и острым мускусом – это сочетание сводило с ума, пробуждало стыдные желания, за секунды превращало благовоспитанную, сдержанную женщину в дикую кошку... в самку...

Она снова была в жару...

Надо бороться, оттолкнуть, прекратить это все, закончить раз и навсегда – но Саша, точно околдованная, обняла, прильнула, обвилась вьюнком: хотела ощутить его силу.

А ему словно мало казалось ее бесстыдства, хотел усмирить, подчинить полностью, чтобы знала, кто тут хозяин. Могучая, страшная сила таилась в нем, густо замешанная на пролитой крови... Страсть в нем горела жарко, как пожар в степи, и Саша с веселым ужасом понимала, что пропадет в этом пожаре.

Нестор начал раздевать ее, целуя, она взялась стаскивать с него гимнастёрку, коснулась ладонями голого живота, впалого, твердого, как железо, и он дрогнул со стоном, точно схватил пулю, и вспыхнул как порох... член вздыбился норовистым жеребцом. Влажно, напористо толкнулся в нее, но не вошел глубоко, и Саша – ничего не могла с собой поделать – обхватила его за бедра и громко, по-бабьи, всхлипнула, когда твердый стержень вдруг покинул ее тело, и оставил ноющую, голодную пустоту:

– Не уходи!..

От этого зова он задрожал, взгляд сделался – страшным, и зарычал атаман раненым зверем:

– Оххх, засадить бы тебе до самого сердца! Дюже хочу, но не можно... иди до мене, коханка, ближе! Да не бойся!

Она уже не понимала, что делает сама, и что делает он, но вдруг оказалась лежащей у него на коленях, и едва не утыкалась лицом в член, торчащий, как сабля, готовая к бою...

«*О Боже, что же теперь?..*» – Саша догадывалась – что, но не могла до конца поверить, и хуже всего, она определенно хотела продолжения, и никогда в жизни не была так возбуждена от близости с мужчиной, от его вида и запаха.

Нестор не удерживал ее силой, лишь нежно обнимал, наставлял:

– Дай руку... огладь жеребчика, не бойся... не укусит... отак... а теперь целуй его, поверх...

Она несмело прикоснулась губами там, где он хотел, и была вознаграждена алчущим, хриплым стоном... поняла, что делает все правильно, прижалась губами снова, провела языком... терпковато-соленый вкус, незнакомый, нисколечко не противный... особенный. Вкус Нестора. Саша снова лизнула его, уже уверенней, мягко и длинно, и вдруг вспомнила, как он назвал ее – «кошка дика» – и ощутила себя той самой кошкой, жадно лижущей теплые сливки...

«*Ооооо, как же хорошо!.. Не стыдно... хорошо...*»

Тут Нестор снова застонал, не сдерживаясь, низко, сладко, положил ладони ей на голову, мягко взял за волосы...

– Саша, Сашенька... – шептал, задыхаясь, словно сам себя не помнил, и то гладил ласково ее косы, то тянул, но больно не делал.

Жар, приливший к низу живота, все разгорался, а мужские стоны над головой были как острая приправа, и Саша не воспротивилась, когда он глубже толкнулся в ее рот, и взмолился – иначе и не сказать:

– Сашенька, бажана... возьми его щильнице... не бойся, в рот не спущу, вытягну...

Она совсем перестала бояться и смущаться – нравилось чувствовать его между губами, горячего и живого, нравилось нежить, гладить, ласкать языком, и угадывать, что он хочет, по движению или стону: сказать Нестор уже ничего не мог. Дыхание сбилось до хрипа... вдруг он резко схватил ее за плечи, хотел оттолкнуть, но она не далась, сама вцепилась ему в бедра, он сдался и, побежденный, зарычал... Саша ощутила, как на язык пролилась густая влага с его резким вкусом, и проглотила ее, не раздумывая, как в детстве глотала лекарство или незнакомое питье.

– Бешкетница ты... панночка московська... кошка дика! – шептал он после, прижимая ее к себе, и смеялся – будто в смущении. А Саша держалась за него обеими руками и не хотела отпускать.

Глава 6. Овсей Овсейч

Прошла неделя с тех пор, как Саша, не доехав до Екатеринослава, попала в Гуляй Поле – и осталась здесь, не то пленницей, не то личной гостьей батьки Махно, атамана над атаманами, повелевавшего степью, расстилавшейся вокруг на добрую сотню верст...

Она не то чтобы привыкла – привыкнуть к этому странному месту, похожему одновременно на мирное красивое село, военный лагерь и шумный цыганский табор, было сложно – но по крайней мере научилась ходить по улицам без страха и не вздрагивать от каждого косога взгляда, конского топота или бухнувшего вблизи случайного выстрела...

Каждое утро она просыпалась под оглушительные вопли петухов и гомон птиц, под скрип тележных колес, стук топора и неумолчную болтовню баб у колодца; выбиралась из-под лоскутного одеяла, вслепую нашаривала одежду, и, наспех натянув кофту с юбкой, выходила из своей спальни в общую комнату... Здесь ее встречала Дуняша, и вместо пожеланий доброго утра всласть подначивала и посмеивалась над «панночкой», что по ночам кричит, как будто ее черти мордуют, а по утрам спит так, что пушкой не разбудишь. Да еще что ни ночь, то бельишко угваздывает так, что не настираешься, и вроде соком «не жиночим, а чоловічим»:

– Змий, що ль, який до тебе прилітає на семи вітрах, а, панночка?.. Дивись, як би змієнят не народила!

Саша покорно все это выслушивала, хотя порою руки чесались по-малоросски вцепиться в Дунину толстую косу и по-малоросски же выдрать нахальную бабу... да московское воспитание не позволяло. К тому же приставленная к ней не то нянька, не то тюремщица, отсмеявшись, начинала хлопотать, заталкивала ее в закут около печки, где уже была согрета вода да приготовлено чистое полотенце, и мыло, и гребень... И пока Саша умывалась – по-Дуняшиному, «наводила красу» – та успевала поставить самовар, а кроме чая, подать на стол горячий кныш и свежее масло, а еще галушки или яичницу с салом.

Дома, в Москве, это казалось бы привычным, нормальным: до революции, и даже после нее, у Владимирских всегда была прислуга... но после целого года гражданской войны, и тем более здесь, в анархистской вольной республике, «где все равны и панов нет», спокойно пользоваться чужим трудом было и стыдно, и боязно. Саша предлагала свою помощь – не была она неумехой и белоручкой, спасибо матушкиной суровости, Высшим женским курсам и работе в госпитале во время войны – но Дуня, хоть и дразнила ее «панночкой», упрямо качала головой:

– Нема чоґо тобі возитися с горшками та сковорідками! Ты роби, що тобі батьком Махном велено, а вдома я вже як-нібудь сама управляюся!

Тут Саше оставалось лишь густо покраснеть и уткнуться в свою чашку, и снова подумать, что же ей все-таки «велено» – то ли работать в культпросвете, помогая Севе и Галине готовить плакаты и писать речи для митингов, на радость грозному атаману батьке Махно, то ли ублажать по ночам Нестора – ласкового и страстного любовника... За прошедшую неделю она в этом так и не разобралась.

Он приходил к ней за полночь, уходил до света, и только однажды позволил себе забыться, крепко заснуть в ее объятиях... она прижалась к нему и тоже заснула – глубоко, спокойно... так вместе и встретили зарю. После атаман убежал, как любовник во французском романе – не одевшись до конца, через окно, выходящее в сад, и призраком растворился в молочном осеннем тумане. А Саша смотрела ему вслед и не могла унять ни сердцебиения, ни слез, ручьями льющих из глаз, и сама не понимала, о чем плачет...

Гуляйпольские селяне на смех бы подняли «чутливу панночку», ну а приличные московские знакомые, не говоря уж о сестре Леночке, пришли бы в ужас. Как это так, мало того, что благовоспитанная девица благородного происхождения делит постель с мужиком, разбойни-

ком, анархистом, так еще и лаской привечает, и слезы льет, когда он уходит! Неслыханный скандал, позор... Революция и война все перевернули в России, поменяли верх с низом, быть дворянином, буржуем-эксплуататором вдруг стало смертельно опасно, пролетариат взял власть и наводил свои порядки в городах, вчерашние батраки занимали барские усадьбы, устраивали в них «коммуны», но сколько не притворяйся, что принял это страшное новое, согласился с ним – старое, привычное от века, глядит из каждой щелки, и только и ждет, чтобы напомнить о себе.

...После еды Дуня поторопила ее:

– Давай, панночка, пошевеливайся, мени хату прибирати треба, а тебя, чай, в кульпро-свете заждались! Топай швидче, пока за тобой хлопцев не прислали...

«Что же я, все-таки под арестом тут, в вольной анархической республике? Караулят меня, чтобы не сбежала?» – вопросы повисали у Саша на губах, но она так и не решилась задать их вслух – может, и к лучшему... Кто знает, кому и что докладывает хваткая и не в меру зоркая Дуняша.

Она привычно собралась для выхода, в который раз спросив себя, куда же все-таки исчез чемодан, что был с нею в поезде, вместе с дамской сумочкой и документами, и нет ли надежды их отыскать... Бог с ними, с вещами, но без паспортной книжки, с таким трудом выправленной в Москве, попасть в Екатеринослав – или куда-нибудь еще, с учетом нынешней тревожной обстановки и полыхающих повсюду междоусобиц – будет ох как непросто... особенно после неожиданных гостей в Гуляй Поле.

Здравый смысл подсказывал обратиться с просьбой к самому атаману Махно, если уж не разыскать ее паспорт, то выписать новый документ (насколько Саша поняла намеки Всеволода Яковлевича, здесь, в вольной республике, изготовить здесь можно было любую справку – требовалось лишь дозволение батьки). Выписать новый документ и отпустить подобру-поздорову, на все четыре стороны...

Почему бы Нестору и не согласиться? Это стало бы завершающим – и гармоничным – аккордом их внезапного бурного «романа», если так можно было назвать неистовое, хмельное безумие, что заставляло мужчину и женщину сплетаться в сладострастных объятиях, вот уже семь ночей подряд.

Ночью они принадлежали друг другу всецело, и губы, языки использовали не для слов – для поцелуев... Наступал день, просыпался разум и металлическим голосом маменьки твердил, что Саша навсегда опозорила себя и честное имя семьи... что скоро она надоест атаману, или он решит, что негоже ему, крестьянскому вождю, делить постель с «панночкой», дворянкой, офицерской вдовой, и либо милосердно убьет сам, либо передаст надоевшую игрушку кому-нибудь из своих хлопцев... например, Шусю, что с первой встречи смотрит на нее голодными глазами, или другому командиру, тоскующему по женской ласке. А может статься и такое, что ревнивая «махновка», из атамановых бывших – или нынешних – любовниц, подольет отравы в чай или плеснет кипятком в лицо.

Галина Андреевна, «Галочка», как выяснилось за эти дни, в браке с Махно не состояла, учительствовала себе, да еще занимала должность «секретаря» при атаманском штабе.¹² Вела она себя воспитанно, держала чинно, но каждый раз при взгляде на Сашу темные глаза ее превращались в револьверные дула... Виделись они не так чтоб часто, наедине оставались и того реже – Сева за этим следил – и все же Саша кожей чувствовала Галочкину неприязнь. Женский инстинкт не позволял ошибиться, а уж то, как Галочка, стоя или сидя рядом с ней, жадно тянула носом, гневно морщилась и едва не скалилась, чуя на сопернице запах Нестора, и вовсе пугало до холода в животе...

---

¹² В 1918 году Кузьменко еще не была в близких отношениях с Махно, работала секретарем, но делала все, чтобы помешать его романам с другими женщинами.

В совокупности все это подводило к очевидному решению – надо бежать, бежать, и чем скорее, тем лучше. Она и так застряла на целую неделю, что в нынешних обстоятельствах было непростительно много. Но как сбежишь, без денег, без документов, смутно представляя маршрут? Как незаметно сесть в «фаэтон», что ни день катавшийся от базарной площади, или напроситься на подводу – и добраться хотя бы до станции?..

Однажды Саша попыталась, под видом затянувшейся прогулки среди тополей и берез, выйти за околицу, туда, где начинался Мариупольский шлях, но почти сразу же ей заступил дорогу рослый хлопец в смушковой шапке, до этого вроде бесцельно слонявшийся поодаль... Он ничего не сказал, оружием не грозил, руками не размахивал, но Саша не стала испытывать судьбу и повернула обратно, к Соборной, к зданию культпросвета.

День «на службе» пролетал быстро и, надо признать, вовсе не скучно – у Севы всегда находились для нее осмысленные занятия: то что-нибудь нарисовать, то написать или перепечатать, и он не скупился на похвалы и комплименты за ее расторопность и «самоотверженную помощь». Приходили и уходили разные люди, приносили кипы бумаг, забирали газеты, рассматривали плакаты, о чем-то совещались или спорили с Волиным. В соседней комнате стучал молоток, скрипела стамеска: там сколачивали декорации для народного театра...

Баткины «хлопцы», по разным надобностям залетающие в культпросвет, натываясь на Сашу, тарасились на нее, как пьяные, но ни один не приставал и даже не пытался заговаривать.

Раза два в день обязательно делали перерывы на чай и на обед; тогда обстановка становилась совсем непринужденной, дружеской. Осмелев, Саша интересовалась насчет расписания поездов, идущих через Гуляй Поле, и возможностью попасть на почту... чтобы отправить хотя бы открытку в Екатеринослав, если нельзя позвонить или отбить телеграмму – но товарищ Волин отвечал как-то уклончиво, прятал глаза и при первой возможности сбежал. То ли не хотел связываться, то ли боялся батки Махно... а скорее всего, и то, и другое.

Сам Нестор Иванович, чем бы ни был занят, в культпросвет не заглядывал – тот неожиданный визит с «инспекцией», в первый день Сашиной «службы», за неделю ни разу не повторился; не встречался ей Махно и в других местах, куда заглядывала по случаю, выходя подышать, или с каким-нибудь поручением Севы...

Это было странно, потому что в Гуляй Поле он, казалось, был везде и всюду, его имя звучало на каждом углу, громко и грозно:

– Батко йидет! Батко Махно пройихав с хлопцами! Атаман велел збиратися к управе, мануфактуру будуть роздавати, кому сколько треба! Нестир Иваныч сказал – бери, що тобі потрібно, але принось, що не потрібно, може, воно кому іншому сгодится!

Махно ждали, звали, чуть не молились ему, всем-то он был нужен, а то – сам посылал вестового за нужными людьми, и те мчались с вытаращенными глазами, как на пожар:

– Батка до себя зовет! А ну, отыди с дороги, мне до атамана треба!

Глядя по сторонам, слушая разговоры, впитывая дурман казачьей вольницы, замешанный на медвяных степных травах, крови и самогоне, Саша начинала верить, что Нестор здесь и вправду кто-то вроде крестьянского сказочного царя, берущего у богатых, чтобы раздать бедным... женищего холопов на панночках...

Вот только увидеть его, пока солнце стояло в зените, нельзя было даже издали, словно атаман от нее прятался...

«Нет, нет, что за нелепость!» – Саша, краснея, гнала подобные мысли. Грозный батка Махно, одним своим взглядом приводивший в трепет и усмирявший самых отчаянных сорвиголов, не стал бы нарочно вести себя как влюбленный гимназист. Скорее все наоборот: это она – влюбленная гимназистка, начитавшаяся баллад про Робин Гуда, и навоображавшая бог знает что...

***

Сегодня работы в культпросвете было немного, и Галина Андревна, к счастью, не показывалась... «поехала навестить отца в соседнее село», – насплетничал Сева, прежде чем положить перед Сашей кипу рукописных заметок, какие требовалось перепечатать. Сам он выглядел встревоженным, постоянно читал телеграммы и газеты, привезенные с почты, и сам что-то писал в толстой тетради, бормотал под нос...

– Вот попомните мои слова, Александра Николаевна: немцы скоро уйдут... и этому кретину Скоропадскому недолго осталось сидеть в Катеринославе!

– Что?.. – она вздрогнула, услышав про Екатеринослав, но Сева только рассеянно улыбнулся, моргнул близорукими глазами – и снова уткнулся в газеты и забормотал.

До Саши долетали слова «всеобщая трудовая повинность», «буржуазные элементы», «Украинский национальный союз», «встреча Скоропадского с кайзером», «сближение с Германией», но уточнять, о чем идет речь, равно как и лезть Волину в душу, она не стала. Механически нажимала на клавиши машинки, думала о своем...

Долго ли, коротко ли, но и этот день закончился, наступил вечер, пришло время идти домой.

Саше самой было удивительно, что она стала считать «домом» хату с выбеленными стенами, посреди фруктового сада, где днем хозяйничала Дуняша и еще какие-то непонятные женщины, исчезающие в сумерках, а вечером – появлялись мужчины из близкого окружения батки, собирались за столом, ели, пили, разговаривали серьезно о своем мужском, военном, страшном, громко спорили, слушали граммофонные пластинки, пели под гармошку или гитару... За неделю раза три приходил Щусь, с ним еще какой-то командир, светловолосый и молчаливый, и почти каждый вечер являлись Лева Задов с неизменным Волиным.

Иногда женщин приглашали за стол, иногда – нет, и тогда они с Дуняшей ютились за занавеской, в спасительном кухонном закутке... там и «вечеряли», и болтали потихоньку, пока не приходило время бочком пробираться «до лежанки». Саше так было спокойнее; в присутствии чужих мужчин, если рядом не было Нестора, она чувствовала себя неудобно, точно раздетая; он же всегда возникал неожиданно, то рано, то поздно, то хотел ужинать, то заявлял, что «втомився як конь на пашне, спати треба», то вовсе не появлялся на пороге... и Бог знает, как позже возникал в темной горнице – проходил ли сквозь стену, перекидывался в кота или в самом деле обращался в чудо-змея, что летает на семи ветрах, и хвостом длинным, языком огненным, умелым, смущает молодых вдовиц?..

... – Стой, стой, куды ты, диявол! Стой, бисова душа, ведьмачье отродье! – громкая мужская брань и злобный, пронзительный визг жеребца ударили Сашу по ушам, пробудили от раздумий, и она сильнее сжала локоть Волина, на сегодня ставшего ее провожатым:

– Что такое, Всеволод Яковлевич?..

– Ничего, ничего, не бойтесь, Александра Николаевна, – Сева ускорил шаг, чтобы побыстрее миновать приземистое деревянное строение, прилепившееся сбоку к трехэтажному каменному дому: должно быть, он раньше принадлежал какому-нибудь местному пану, а ныне превратился в учреждение, полезное для анархической республики.

Саша поддалась было руке Волина, поспешила за ним, но тут нос почуял знакомый запах конюшни... не крестьянского хлева, где грустные рабочие клячи топчутся вместе с козами и овцами, не навеса с коновязью, возле которой нервно отплясывают поседланные боевые кони, готовые вот-вот сорваться в бешеный карьер – а настоящей конюшни, лошадиного дома, где ухоженные, породистые рысаки стоят в просторных, вычищенных денниках и вальяжно пережевывают отборный овес и душистое сено. Такой, как была у них в Васильевке, пока усадьбу вместе лошадьми не реквизировали «в пользу революционной власти»... и такой, как при казармах в Петербурге, где был расквартирован на зиму отцовский полк...

– Аааа... стой, чертяка!!!

– Иииии... Иииии!!!

– Петро, бережно, бережно! Вин забудет тебе, забудет, бис!

– Саша! Саша, куда же вы? Там опасно, вернитесь! – вскрикнул Сева, но удержать не смог, и только растерянным взглядом проводил барышню, ни с того ни с сего бросившуюся в конюшню, где двое махновцев тщетно пытались усмирить жеребца, чтобы поставить на растяжку...

Она влюбилась с первого взгляда. Сухой, тонконогий, длинный красавец, большеглазый и словно огнем дышащий, угольно-черный, блестящий, с пышной густой гривой... Орловский рысак, самых чистых кровей, бог знает как попавший в Гуляй Поле – трофей, захваченный в бою, а может, реквизируемый, как и все прочее добро, у незадачливого помещика.

Жеребец злился, визжал, прижимал уши. Хлопцы наступали на него с двух сторон, пытались то ухватить за повод, то оттеснить задом к открытому деннику, а он дыбился, отплясывал на задних ногах какого-то адского трепака, передними копытами бил в воздухе, метился попасть наседавшим прямо в лоб. Скалил зубы – и тут уж совсем превращался в страшилище, беса, черта...

– Да ты с глузду зыхала, жинка, куды лезешь до жеребца?! – заорал, заметив Сашу, один из незадачливых конюхов. – Забирайся, пока цела!

Второй отскочил подальше и тоже замахал руками:

– Забирайся! Забирайся! – а жеребец завизжал еще злее...

Она все еще плохо понимала местный диалект, но сообразила, что ее приглашают не в седло взобраться, а проваливать по добру-по здорову... а еще, как назло, вспомнился хриплый шепот Нестора в их первую ночь:

«Ты жеребца на дыбы подняла – тебе и усмирять его, любушка...» – и «любашка», с пылающими щеками, опустив руки вниз и развернув их ладонями, стала подходить к вороному дьяволу...

– Александра Николаевна! – дрожащий, умоляющий голос Волина за спиной только подстегнул азарт.

Саша прекрасно помнила все отцовские уроки: не бояться или хотя бы не показывать страх, двигаться плавно, руки держать по бокам, ладонями вверх, говорить мягко, отчетливо, негромко... Помнила она и Горделивого, первого горячего и норовистого рысака, носившего ее по вспаханному полю...

– Тшшшш... тихо... тихо, мой голубок... – медленно, плавно покачала руками, жеребец, будто удивленный, остановился, ворчливо зафырчал... прижал уши – Саша остановилась, заговорила снова:

– И кто тут у нас такой горячий... кто у нас как нервная барышня?..

– Та Оська он! – неожиданно подсказал кто-то из хлопцев. – Овсей Овсеич...

– Ах вот что... – Саша говорила все так же мягко, сделала еще шаг вперед, теперь между ней и жеребцом было не больше аршина.

Овсей Овсеич повернул голову, снова зафырчал, поплясал немного... и осадил назад, нерезко, просто отошел на пару шажков – ну точно па в танце сделал.

– Овсей Овсеич, очень приятно... а меня Сашей зовут...

– Фрррррррр... тпрррррр... фррр! – жеребец встал перед ней, чуть склонил голову набок, глянул с явным лукавством... сам сделал шажок вперед. И вдруг потянулся длинной мордой к ее карману: дескать, ну-те, ну-те, барышня, что это там у вас лежит?..

Тут Саша и вспомнила про кусочек сахара, который незаметно спрятала, когда они пили чай: не любила сладкий кипяток, а заботливого Севу, все подкладывавшего ей колотый сахар, обижать не хотелось...

– Ах ты, махновец... анархист... – она протянула сахар, мягкие черные губы тотчас ухватили, крупные зубы захрумкали. – Реквизиция, значит... хорошо...

– Грицка, хозяина евонного, в бою убили, – вдруг сообщил тот хлопец, что кричал на нее; то ли устыдился, то ли резко осмелел, но подошел поближе, и конь подпустил.

– Вот он и лютуеть... Не жреть! Третий день не жреть...

– Я бы на его месте тоже перестала есть... – вздохнула Саша, некстати вспомнив, как кричал и бился в деннике Горделивый в тот день, когда они получили с Юго-Западного фронта черную весть о гибели отца...

– Чегось? – насторожился махновец, для которого московский говор был столь же непривычен, как для нее – малоросский, но подоспевший Волин отодвинул его в сторону, и снова попытался уговорить Сашу уйти:

– Александра Николаевна, я восхищен, восхищен!.. Как вы ловко управились с этим зверем... уверен, восхищен буду не только я... но теперь, прошу вас, пойдёмте, нас ждут, а эти славные ребята справятся и без нас...

– Идите, Всеволод Яковлевич, я вас не держу... Передайте *там* мои извинения... Я хочу еще побыть здесь... может, попробую сама накормить Овсея Овсеича ужином.

Она положила ладонь на теплую мохнатую шею жеребца – тот довольно всхрюкнул, переступил, игриво толкнул ее лбом, и женское сердце растаяло, как масло на горячей сковородке:

– Ах ты, мой хороший... красавец... красавец... – снова погладила, почесала лоб, и Овсей точно захихикал, снова толкнул ее, принялся жевать рукав...

Саша поняла:

– А поседлайте-ка его мне, хлопцы... Застоялся он у вас без работы, вот и «лютуеть», вот и не «жреть»... Вечер сегодня такой чудный, покатаемся.

Оба парня так и вытаращили на нее глаза, бедный Сева за голову схватился, и тот конюх, что был посмелее, едва в падучей не затрясся от возмущения:

– Поседлать? Да що вы такое удумали, мадамочка! Та щоб баба да на Грицкова коня... не бувати тому! Оська теперича за самим батькой Махном записаний, ось вже атаман буде решать, кому на ньом йиздить!

– Я буду. – спокойно сказала Саша, и вдруг поняла, что так и случится... и неважно, что там решит или не решит батька Махно – ей бы только оказаться в седле, выиграть время. А Сева... что Сева? Он тоже понял, шепнул что-то хлопцу, посмотрел строго, и тот не посмел больше возражать товарищу Волину: верно, знал, что этот мягкий с виду «интеллигент» в очках имеет вес в Гуляй Поле.

***

– Обережно, мадамочка, бережно!.. Це ж бис, а не конь! – летело Саше в спину, когда она, дрожа с головы до ног, как от любовного восторга, выводила взнузданного и заседланного Овсея из конюшни. Это был царский рысак, под стать крестьянскому царю, и амуниция на нем тоже была царская: уздечка украшена серебром, казацкое седло с высокой лукой, тоже разукрашенное – настоящий трон, даже потник – не простой, а черный, анархистский... Сердце Саши, от непомерной дерзости ее затеи, трепыхалось, как птица в силках, кровь шумела в ушах, но сейчас она не отказалась бы от задуманного, даже рискуя получить пулю или сабельный удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.